

Энтони Саттон

Власть доллара

The Federal Reserve Conspiracy by Antony Sutton

Оглавление

Памяти Энтони Саттона	1
Крах доллара?.....	3
Глава первая. Центральный Банк	8
Глава вторая. Томас Джефферсон и финансовый клан	9
Первая частная банковская монополия.....	9
Банк Нью-Йорка	10
Второй банк Соединённых Штатов	11
Глава третья. Эндрю Джексон против клана.....	12
Глава четвёртая. Социалистический Манифест Клинтона Рузвельта	14
К. Рузвельт. «Наука управлять»	15
Глава пятая. Манифест Карла Маркса	16
Карл Маркс, как плагиатор	18
Благодетели Маркса.....	19
Глава шестая. Авраам Линкольн бросает вызов банкирам.....	21
Глава седьмая. Денежный трест создаёт Федеральную Резервную Систему	25
Глава восьмая. Сговор на острове Джекиль	28
Глава девятая. Денежный трест манипулирует конгрессом.....	32
Глава десятая. Федеральная Резервная Система сегодня.....	38
Федеральная резервная система монетизирует внешний долг.....	40

Памяти Энтони Саттона

Ещё десять лет тому назад имя Энтони Саттона (1925-2002) ничего не говорило русскому читателю.

Его исследования о скрытых механизмах власти, написанные на английском языке и изданные малыми тиражами в США, читали считанные единицы наших соотечественников.

Сегодня Саттона знают в России десятки тысяч людей. Благодаря предыдущим публикациям на русском языке его трудов «Как Орден организует войны и революции» (М., «Паллада», 1995), «Уолл-стрит и Большевицкая революция» (М., «Русская Идея», 1998) и «Кто управляет Америкой» (М., «ФЭРИ-В», 2002), выдающийся американский учёный стал широко популярен.

Эта вполне закономерная популярность связана с тем, что Саттон отвечает на самые актуаль-

ные, жгучие вопросы современности: почему происходят мировые войны, как формируется власть в крупнейших государствах планеты, случайно ли происходят революции и региональные конфликты, откуда берутся деньги и какова их роль в международных отношениях.

При ответе на эти непростые вопросы, учёный опирается на документы и серьёзные исследования, согласно требованиям точной науки и духу объективности.

В Америку Энтони Саттон приехал из Великобритании, где он родился и получил образование. После окончания Лондонского университета, молодой англичанин избрал научную карьеру, став сначала докторантом, а затем — профессором экономики Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

Оттуда он перешёл на работу в Гуверовский институт войн и революций, где в 1968-1973 годах написал фундаментальный труд «Западная технология и советское экономическое развитие» (в трёх томах).

В данной монографии Саттон доказал, что определённые круги предпринимателей США всегда были заинтересованы в контроле экономики и политических процессов в СССР.

Одновременно с известностью к начинающему учёному пришла опала. Под давлением Белого дома Саттон был лишён финансирования и должности. Такая оценка научной деятельности не испугала автора, а лишь усилила его любознательность.

В 1970-е годы Энтони Саттон публикует серию исследований, посвящённую трём вариантам социализма: «Уолл-стрит и большевицкая революция», «Уолл-стрит и приход Гитлера к власти», «Уолл-стрит и Франклин Рузвельт».

Результат их оказался интригующим: за кулисами международных банковских операций аналитик обнаружил тайную деятельность Ордена.

Дело стало приобретать детективный характер. Углубившись в забытые архивы, выходец из Европы реконструировал по имеющимся документам историю Ордена иллюминатов в Америке.

Каждой из изученных тем он посвятил отдельную книгу: «Введение в Орден», «Тайный культ Ордена», «Как Орден контролирует образование» и «Как Орден организует войны и революции».

Опальный учёный «свободной» Америки, печатавший свои труды полуполюгально, на личные средства, мизерными тиражами, был необыкновенно обрадован, когда узнал, что его открытия дошли до русского народа.

В авторской газете «Письмо Феникса» (1996, № 9, выпуск 15) Саттон с восторгом сообщил своим читателям, что тираж только одной его книги «Как Орден организует войны и революции», выпущенный в России издательством «Паллада» тиражом 10 тысяч экземпляров, превысил общее количество его проданных книг за предыдущие 15 лет.

А когда он узнал о состоявшейся презентации книги и её обсуждении на «круглом столе», не без досады заметил: «Публичные дебаты в Москве основывались на более точных данных, чем подобные в Вашингтоне и Нью-Йорке».

Вслед за «Письмом Феникса» Саттон стал издавать бюллетень, посвящённый секретным и запятанным технологиям.

В это же время, в конце 1990-х годов, выходят его новые книги о ключевых экономических сферах: «Война за золото», «Алмазная связь», «Энергия и организованный кризис», «Заговор Федеральной резервной системы», «Трёхсторонняя комиссия над Америкой».

Две последние книги автор прислал нам вскоре после их выхода в США с пожеланием переиздать на русском языке.

«Trilateral over America» вышла у нас под названием «Кто управляет Америкой». Она целиком

посвящена истории и роли Трёхсторонней комиссии: от её создания Дэвидом Рокфеллером до скандального периода президентского правления Билла Клинтона.

Следуя академическому стилю Саттона, московские издатели приложили к основному тексту список членов ТК и несколько документов, касающихся России.

«The Federal Reserve Conspiracy» в русской версии тоже имеет более простое название — «Власть доллара».

Она шаг за шагом излагает историю Федеральной резервной системы (ФРС), главной международной финансовой структуры Америки, контролирующей хождение доллара во всём мире.

Оказывается, что ФРС — не государственное учреждение США, а сугубо частное предприятие, созданное тайно и незаконно.

Свободолюбивые американские президенты Томас Джефферсон, Эндрю Джексон, Авраам Линкольн пытались не допустить монополизации финансов в руках банкиров, но денежной мафии удалось навязать свою власть.

После тайного совещания в 1910 году на острове Джекиль (штат Джорджия), где в условиях строгой секретности был выработан план захвата финансовой монополии, группа крупных капиталистов во главе с Дж.П. Морганом добилась принятия исключительно благоприятного для себя закона о ФРС.

Этот закон, полностью противоречащий американской конституции, который Саттон называет «одной из наиболее бесчестных фальсификаций за всю историю США», был принят под давлением, с помощью подкупа, в 1913 году, как раз накануне Первой мировой войны.

Штурм Белого дома банкирами в Вашингтоне оказался подготовлен гораздо лучше и конспиративнее, чем последовавший за ним большевистский штурм Зимнего дворца в Санкт-Петербурге.

С этого времени «денежный трест», прикрываясь фасадом ФРС, начинает фактически бесконтрольно печатать долларские купюры.

В Европе разгораются войны и революции, рушатся и восстанавливаются национальные хозяйства, гибнут и страдают миллионы людей, а на этом драматическом фоне американские банкиры из-за океана решают свои корыстные и личные проблемы с помощью станка, печатающего деньги, не обеспеченные золотом.

Денег, сделанных с помощью махинаций и авантюры, хватило на многие проекты.

Одним из первых подопечных Ордена был идеолог коммунистической революции (и враг Российской империи) Карл Маркс. Его поддержали финансовые круги Америки и Германии.

Без больших проблем банкиры обмундировали грозного преемника Маркса — Льва Троцкого (Бронштейна).

Вместе с «соратниками по партии» его отправили из ссылки обратно в Россию на комфортабельном корабле (Ленин, как известно, возвращался в

революционный Петроград в менее удобных условиях, в «пломбированном вагоне», под патронажем германского генерального штаба).

Нужное количество долларов напечатали и в качестве «помощи» советской экономике.

После Второй мировой войны, начавшейся с американской провокации на Пёрл-Харбор, а завершившейся уничтожением Третьего Рейха руками истощённого в кровопролитных сражениях СССР, доллары полились в «свободную зону» Европы широкой рекой.

«Денацификация» и значительная часть реконструкции Запада под названием «план Маршалла» были осуществлены на американские деньги.

Об этой эпохе в книге не написано. От момента создания незаконного «денежного треста» Саттон сразу переходит к теме «Федеральная резервная система сегодня», где раскрывается роль Трёхсторонней комиссии, как политического инструмента финансового клана для государственного регулирования.

Крах доллара?

Забывая о благе последующих поколений, советские граждане закупили, в качестве фамильных ценностей: золотые украшения, серебряную посуду, дорогую мебель, электротехнику и прочую домашнюю утварь.

Сегодня легальным и наиболее распространённым способом обезопасить свои финансовые риски является сбережение в «баксах», то есть, приобретение доллара США, как резервной валюты.

Банкноты государственного казначейства США незаметно вошли в жизнь рядового горожанина и зажиточного провинциала, в их бытовой лексикон, а главное — в сознание того и другого.

Степень безопасности наших долларовых резервов, как спрятанных в доме, так и отданных во временное распоряжение финансовым учреждениям, полностью зависит от степени нашего же доверия к доллару США. Данное явление сопоставляется с, так называемой, фидуциарной эмиссией.

Это когда обеспеченность выпускаемой валюты базируется не на совокупном производстве товаров и услуг (золото здесь выступает таким же стандартным товаром), а на уверенности инвесторов в прочности финансово-экономических механизмов государства-эмитента.

Здесь играют более значительную роль Голливуд и информация Си-Эн-Эн, нежели все американские активы, вместе взятые. И в итоге, мы доверяем правительству США больше, чем нашему.

Для США не важен рост собственной экономики, как таковой. Цель американского государства — убедить нас, посредством пропагандистской машины, в наличии предполагаемого роста, заставить поверить в него с учётом долгосрочной перспективы.

В 1992 г. Российская Федерация приняла финансовую модель Международного валютного фон-

Общая оценка роли доллара в России и его перспективы проанализированы во вступительной статье Дениса Карева.

Книга «Власть доллара» выходит в России вскоре после смерти её автора. Пусть она станет памятником его дерзкому уму, бескомпромиссному характеру и свободолюбию.

Энтони Саттон навсегда останется в сознании русских людей, как истинный учёный, сумевший бесстрашно постоять за торжество правды и закона.

Павел Тулаев

да (МВФ), приведя собственную денежную массу к объёмам, равным экспортному потенциалу государства, выраженному в долларах США.

Вот уже более десяти лет доллар США является основополагающим фактором функционирования отечественной экономики. Именно модель МВФ — по сути инструмента США (17,2% голосов) — определяет экономическую жизнь российских граждан до последнего времени.

Для того, чтобы не быть голословным, давайте рассчитаем объём денежной массы, обращающейся в российской экономике, и посмотрим, к чему применение модели МВФ на практике успело привести, и к чему оно может привести в дальнейшем.

В настоящее время, по данным Центрального Банка России (ЦБ РФ), сумма вкладов населения в финансовых институтах страны достигла пика в канун августовского кризиса 1998 г. и составила при ВВП, равном на конец 1998 г. **2 696,4** трлн. руб., **155,8** млрд. руб. и **6** млрд. долл. (**31,1** млрд. долл. в совокупности).

В частности, за период с января по июль 1998 г. количество рублей в банках возросло со **141,8** млрд. (24 млрд. долл.) до указанных **155,8** млрд. (25,1 млрд. долл.), валюты — с **4,8** млрд. долл. до указанных **6** млрд. долл.

После августа 1998 г. ситуация изменилась: с октября 1998 г. по апрель 1999-го почти в два раза сократились валютные вклады — с **4,5** млрд. долл. до **2,9** млрд., в то время как рублёвые возросли на 30% — со **123,7** млрд. до **152** млрд. (правда, в переводе в твёрдую валюту, они также уменьшились — с **7,7** млрд. до **6,3** млрд. долл.).

На основе имеющихся данных, приступим к расчёту двух важных экономических показателей: уровня монетизации ВВП (отношения денежного

агрегата М2 к ВВП, где М2 это наличные деньги, плюс рублёвые депозиты) и степени «финансовой глубины» (отношения М2Х к ВВП, где М2Х это М2, плюс валютные депозиты или, так называемые, деньги в широком смысле).

Таким образом, на 1 января 1998 г., при денежной массе, равной 137 млрд. руб., первый показатель составил **10,4%**, второй — **11,4%**. Данные цифры говорят о многом, но только специалисту. Поэтому проведём некоторые сравнения.

Подобные размеры монетизации наблюдаются исключительно в таких странах, как Армения, Туркменистан, Гвинея-Бисау или Конго, в то время, как экономики развитых стран и большинства стран с переходной экономикой функционируют с показателем монетизации ВВП в **50-100%** и с показателем «финансовой глубины» в **70-120%**.

Это означает, что демонетизация российской экономики составляет, как минимум, **400%** агрегата М2.

Другими словами, экономику России морт денежным голодом и обеспечивают её потребности в живых деньгах только на **10-20%**. Следовательно, модель МВФ приводит к тому, что недостающие 80-90% российская экономика получает в виде сыворотки — долларов США.

Данный механизм и обеспечивает постоянный приток долларовой массы в нашу экономику.

Даже если рубль когда-либо окрепнет, и мы станем делать сбережения в национальной валюте, то при использовании финансовой схемы МВФ, страна окажется в положении замедления оборота рублёвой массы, которое, в конечном счёте, может вызвать в стране кризис неплатежей уже не только в государственном секторе.

Предложения увеличить денежную массу хотя бы в два раза вызывают у российской финансовой олигархии и политической «элиты» нескрываемое раздражение — особенно в кругах, представляющих интересы МВФ.

Они парализуются тезисом, что это автоматически вызовет инфляцию, хотя данное представление не соответствует действительности.

При достаточном уровне монетизации ВВП и стабильном курсе национальной валюты, а также более эффективном контроле над обращением доллара и евро, население начнёт делать сбережения в рублях.

Что касается инфляции, то она в России вызвана деятельностью «естественных монополий» и влиянием различных рисков. Всё это отражается на стоимости продукции (как отечественной, так и импортируемой) и услуг.

Наблюдаемое постоянное увеличение стоимости продукции и услуг никак не связано с ростом денежной массы на руках у населения (инфляцией спроса). Оно имеет прямое отношение к инфляции издержек — рост железнодорожных тарифов, стоимости электроэнергетики и т.п.

Данная политика именуется абсолютным монетаризмом — своеобразным экстремизмом в рамках экономической активности, трансформирую-

щимся, в масштабе мировой экономики, в своеобразный глобализм.

Самое печальное, что современные официальные российские экономисты не могут предложить вместо монетаризма никакой иной концептуальной альтернативы, да и не хотят этого.

Но, как бы то ни было, основная часть домашних хозяйств и предпринимателей используют в качестве резервной валюты доллар, страхуя тем самым возможные финансовые риски (порядка 100 млрд. долл. находится на руках частных владельцев, плюс 28 млрд. — в резервах государства).

Следовательно, каждый субъект национальной экономики, страхующийся таким образом от валютного риска, будь то предприятие либо частное лицо, тем самым кредитует США, не требуя возврата долга и выплаты процентов.

Себестоимость долларовой банкноты по разным данным составляет от 4 до 25 центов, обеспеченность её активами традиционной (производственной) экономики равна 5%, а активами «виртуальной» — 30-40% в лучшем случае.

При данном положении вещей, кроме прибыли, американское государство получает абсолютную монополию по страхованию валютных рисков. Правда, это не является основной предпосылкой наводнения долларами мировой финансовой системы.

Американская модель финансово-экономической глобализации предполагает использование доллара, как главной и единственной мировой расчётной единицы без соответствующего обеспечения и, более того, без контроля со стороны иных участников мировой экономики за осуществляемой Федеральной резервной системой эмиссией.

Данная модель является схемой решения внутренних экономических проблем США. Она была разработана и затем претворена в жизнь при Франклине Рузвельте в результате целенаправленного слома изоляционистских настроений в американском обществе.

Не надо забывать, что они в США, до Второй мировой войны, были настолько высоки, что Штаты не имели до 1942 г. даже своей службы внешней разведки.

Финансовая модель Рузвельта предполагала, в свою очередь, превращение доллара в мировую валюту и сброс образующейся инфляционной массы (излишков долларовой массы) за пределы США, то есть, перекладывание инфляции на плечи менее развитых стран или, по сути, их эксплуатацию.

Удобным подспорьем для крушения изоляционизма стало начало Второй мировой войны. Потребовалось изыскать средства на армию и флот, а также на вооружение союзников.

Для этих целей было приостановлено действие антитрестовских законов, взята под контроль банковская система страны и усилено государственное регулирование экономики. США пошли по пути строительства государственного социализма, только под камуфляжным прикрытием пуританских ценностей.

Об этом прямо говорит в своей книге «Власть доллара» Энтони Саттон, утверждая, что «Манифест Коммунистической партии» стал важнейшим экономическим документом двадцатого столетия, и что он — путеводная звезда в дебрях экономики для американского политического руководства.

За счёт займов у частных банков, США развернули строительство военных предприятий, которые даром (!) под гарантированный военный заказ, были переданы в частные руки.

Приватизация в России оказалась куда более выгодным для общества предприятием (если не учитывать «приватизацию» 1917 г., закончившуюся к 1929 г. распродажей иностранцам всего, что можно было продать).

Основной опасностью для США в условиях глобализации является снижение привлекательности доллара, как мировой резервной валюты и возможности его массового обмена на национальные валюты.

Следует отметить, что воплощение мечты о моментальном вытеснении доллара из экономического пространства России не даст никакого отрицательного эффекта для США, поскольку евродоллары (доллары за пределами США) обслуживают, в первую очередь, международные валютные операции, а не розничные покупки.

Главная угроза доллару исходит не от вытеснения его из национальных экономик, а от региональных валют (сейчас — это евро, впоследствии к нему могут присоединиться йена либо юань), способных занять нишу в трансфертных операциях.

В настоящее время ведущие промышленно развитые страны Западной Европы (Франция, Германия, Италия) постепенно приходят к осознанию собственных глобальных экономических и политических интересов, которые невозможно реализовать без помощи сильной региональной валюты.

Поэтому основной целью США на мировой арене становится всё более очевидная конфронтация с Европейским союзом (ЕС).

Война в Югославии, стимулируемый наплыв неквалифицированной рабочей силы в Западную Европу, а также навязывание давно исчерпавшего себя либерализма (современной болезни России) являются всего лишь наиболее видимыми проявлениями данного столкновения глобальных интересов.

В настоящее время внешняя экспансия доллара постепенно начинает снижать обороты — дополнительных территориальных ресурсов для сброса всё возрастающей инфляционной массы, после распада мировой социалистической системы, не предвидится, а обеспеченность доллара сократилась до минимума.

Вспомним, что сначала в качестве единой меры стоимости выступало золото, потом — доллар, обеспеченный золотом (Бреттон-Вудская система), потом — «долговая расписка», напоминающая о том, что трудовую теорию стоимости, за 150 лет до Маркса, сформулировал ни кто иной, как Бенджамин Франклин.

Приемлемым выходом из сложившейся си-

туации становится периодическая организация финансовых кризисов, поскольку любая национальная экономика имеет тенденцию впитывать дополнительные объёмы мировой резервной валюты именно в результате последних.

Причём, не следует уповать на то, что какой-либо управляемый региональный кризис вдруг возьмёт и перерастёт в неуправляемый мировой. Ведь на долю США приходится порядка 30% мирового ВВП, а американским гражданам и корпорациям принадлежит 55% всех выпущенных в мире акций.

Таким образом, США являются локомотивом не только мировой экономики, но и мировой финансовой системы. Следовательно, кризис может стать глобальным только после того, как он поразит США и, тем самым, отправит весь состав под откос.

Фундаментом, на котором основывается экономика США, является обычная долговая пирамида.

Она характеризуется высокими постоянными темпами роста денежной массы, потребительского и корпоративного кредитов, внешнеторгового дефицита и зависимости экономики США от притока иностранного капитала.

Например, в 1997 г. США привлекли инвестиций на сумму в 91 млрд. долл. Существование финансовой пирамиды обусловлено не внутренними факторами, а внешними обстоятельствами: в первую очередь — это уровень доверия к ней крупных инвесторов, а также частных лиц, использующих доллар США в качестве резервной валюты.

Но в формировании этого доверия задействованы не американское трудолюбие или инновационные технологии, а правительственные статистические органы и, частично, бухгалтеры крупных американских корпораций.

Энтони Саттон свидетельствует: «Современные экономисты настолько пристрастились к математической манипуляции (под надуманным предлогом скрупулёзности), что они полностью пренебрегают основными экономическими аксиомами».

На самом деле, это не «надуманный предлог скрупулёзности», а общепринятая (особенно в период правления администрации Клинтона) в США практика, целенаправленно идущая в разрез с традиционными методиками расчёта экономических показателей.

Её цель — формирование доверия к экономике США со стороны крупных и мелких инвесторов.

Есть все основания полагать, что впечатляющие показатели экономического роста и инфляции, а также высокие прибыли американских корпораций не соответствуют действительности, поскольку система национальных счетов, применяемая статистическими службами США, характеризуется математическими искажениями, маскируемыми специфичностью расчётов ряда макроэкономических показателей.

Главным индикатором инфляции является индекс потребительских цен, рассчитываемый по составу корзины товаров.

В настоящее время в США подавляющая

часть рабочей силы (порядка 70%) занята в сфере услуг. Поэтому индекс потребительских цен следовало бы рассчитывать преимущественно по услугам, а не по товарам.

Более того, использование данного индекса в качестве дефлятора ВВП приводит к завышению реальных темпов роста экономики.

Также мало кто знает, что США включают в состав ВВП «приписную ренту» (арендную плату, которую должны были бы платить собственники домов и квартир, если бы они жили в сдаваемой недвижимости, то есть, фиктивную арендную плату). Данная манипуляция приводит к завышению ВВП порядка на 10%.

Современный американский политический деятель Линдон Ларуш утверждает:

«Статистические отчёты периода с 1955-го по 2002 г., якобы свидетельствующие о чистом росте американской экономики, все до одного основаны на обмане. Сегодняшняя волна банкротств представляет собой проявление скрыто вызревавшей в течение последних семи лет несостоятельности американских фирм».

Кстати, никто уже не замечает того, что одной из самых избитых, но в то же время неестественных «аксиом», является постоянное снижение цен на золото при устойчивом на него спросе, превосходящем объёмы добычи.

Здесь мы имеем дело с монополией («золотым трестом») центральных банков (в первую очередь Федеральной резервной системы), ведь повышение цен на золото вызовет отток средств с фондового рынка и дальнейшую цепную реакцию банкротств.

Кроме того, низкие цены на золото позволяют скрывать инфляцию фондовых активов, которая в любой момент может перекинуться на рынок потребительских товаров, и снизить процентные ставки.

Также постоянно снижающиеся цены на золото обеспечивают максимальную прибыльность от спекуляции с ним на бирже. Здесь основными монополистами выступают «Чейз Манхаттан банк» (финансовый центр Рокфеллеров) и «Дж. П. Морган». Этим двум кредитным учреждениям уделено особое внимание в работе Саттона.

Конечно же, вышеизложенное не означает, что американская экономика в чём-то уступает экономике ЕС.

Однако она находится в весьма уязвимом положении, поскольку реальные процессы, происходящие в ней, не соответствуют ожиданиям даже самых рядовых инвесторов, которые, в свою очередь, об этом не подозревают.

Поэтому для сохранения статуса доллара может потребоваться очередной мировой военный конфликт, необходимость которого уже назрела, но целесообразность, по понятным причинам (наличие ядерного вооружения), ещё нет.

Во время предвыборной гонки финансовую поддержку Джорджу Бушу-младшему оказал американский ВПК. В свою очередь новоизбранный президент не остался в долгу.

В 2003 г. на военные нужды планируется выделить почти 400 млрд. долл., что может стать крупнейшим увеличением бюджета Пентагона с 1966 г.

Военное министерство США планирует направить данные средства на следующие цели: разработку беспилотных летательных аппаратов и «самолётов-невидимок» нового поколения, создание национальной системы ПРО (7,8 млрд. долл.), закупку оружия (73,4 млрд. долл.), военное строительство (4,8 млрд. долл.), помощь военным инвалидам (5,8 млрд. долл.).

Примечательно, что значительные ассигнования предусмотрены на экологические программы. Таким образом, дальнейшая эскалация военных конфликтов в период срока президентства Буша-младшего гарантирована.

После Первой мировой войны США увеличили свой экспорт втрое, а страны Европы превратились из кредиторов Америки в её должников.

После холодной войны в должников США превратился практически весь цивилизованный мир.

Давать кредиты для США более жизненно важно, чем получать их обратно. Этим достигается постоянный спрос на долларовую массу.

Именно поэтому США превратились не только в крупнейшего кредитора, но и в лидера по объёму внешнего долга. США обладают показателем внешней задолженности примерно в 700 млрд. долл.

К слову, внешний долг Германии, обладающей вторым после США показателем, равен 350 млрд. долл.

Правда, стоит отметить, что сам по себе уровень внешней задолженности — показатель относительный. Наиболее универсальным индикатором является отношение внешнего долга к ВВП. Оно определяет возможность обслуживания внешней задолженности.

Поэтому говорить об отрицательном воздействии внешнего долга на экономику государства можно только тогда, когда его удельный вес в ВВП достигает предельных значений.

В частности, в России отношение внешнего долга к ВВП достигло к концу 1999 г. **85%**.

В других странах первой пятёрки должников показатели были следующими: в США — **9%**, в Германии — **13,5%**, в Бразилии — **28,1%**, в Мексике — **35,5%**.

Таким образом, даже если вычестить все заложенные в валовой продукт манипуляции, то США в настоящее время, более или менее, эффективно могут обслуживать свой внешний долг.

Следовательно, для обострения проблемы внешней задолженности, требуется не, как таковое, её увеличение, а расширение отношения задолженности к ВВП.

То, что кредитование уже давно превратилось в элементарную профанацию, отягощающую долговое бремя государства, и приносящую народу не пользу, а только вред, доказывает официально признанный факт расхищения самого крупного из пре-

доставленных России МВФ кредитов.

Ещё 19 марта 1999 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» министр финансов США Р. Рубин заявил, что «заем в размере 4,8 млрд. долл., выделенный МВФ России 14 августа 1998 г., расхищен окружением президента Ельцина».

Согласно газете, в тот же день вся эта сумма была переведена со счета № 9091 Федерального резервного банка Нью-Йорка в отделение «Кредитанштальт-Банкфэрайн» (Лугано, Швейцария) в пользу АО «Ост-Вест Хандельсбанк» (Франкфурт-на-Майне).

Дальнейшее расследование показало, что 2 млрд. 350 млн. долл. из Франкфурта были переведены в «Бэнк оф Сидней». Оттуда 235 млн. были зачислены на счёт некоей австралийской компании.

Оставшуюся сумму конвертировали в фунты стерлингов и перевели в Национальный Вестминстерский банк в Лондоне. «Прибыль» распределили так: 1,4 млрд. долл. получил «Бэнк оф Нью-Йорк», 780 млн. — «Креди Сюис» (Швейцария), а 270 млн. получило лозаннское отделение «Кредитанштальт-Банкфэрайн».

Теперь подытожим те факторы, которые могут вызвать предполагаемый крах мировой долларовой системы и, как следствие, уход доллара США с позиций мировой резервной валюты.

1) Американское благосостояние держится на притоке иностранного капитала, компенсирующего колоссальный по своим масштабам внешнеторговый дефицит США. Однако в последние годы Уолл-стрит перестаёт быть главным центром притяжения капиталов. На первые позиции выходят европейские и азиатские фондовые рынки.

2) Стабильный доллар стимулирует падение уровня конкурентноспособности и прибылей американских промышленных компаний, что вызывает недовольство у внутренних производителей. Вот что заявил Джордж Буш 17 июля 2001 г.: «Рынок предпочитает сильный доллар. На самом деле, сильный доллар создаёт нам не только преимущества, но и проблемы. В первую очередь он затрудняет американский экспорт». Данная реплика Буша сразу вызвала небольшое падение доллара.

Не исключён вариант мягкой девальвации доллара, что может привести к кризисным явлениям в азиатских странах, живущих за счёт экспорта в США, а также в России, которой некому будет продавать нефть и сталь.

Правда, некоторые специалисты полагают, что ослабление доллара пойдёт на пользу всей мировой экономике. Но здесь присутствует только доля истины, поскольку мнения насчёт того, что является стержнем мировой экономики, сильно разнятся.

3) Все сектора американской экономики перегружены долгами (агрегированная задолженность её — **32 трлн. долл.**).

4) Рост «виртуальной» («новой») экономики приводит к повышению издержек в промышленности, оттоку специалистов из секторов традиционной («старой») экономики.

Прибавим к этому рассмотренные выше факторы возможного:

5) укрепление альтернативной доллару региональной резервной валюты;

6) повышение роли золота в системе мировых финансов.

Каковы в этих условиях шансы геоэкономического проекта «евро»?

Можно утверждать, что рынок евро уже успел сформироваться, и в настоящее время создаёт определённую конкуренцию доллару США.

Например, в поддержку евро высказался Китай, 45% выпускаемых на мировых рынках облигаций номинируются в евро, а Ирак в 2000 г. потребовал перевести в евро всю свою выручку от экспорта нефти.

В то же время, евро, как альтернативная международная валюта, будет набирать силу ещё достаточно долго, поскольку смена резервных валют никогда не происходит моментально.

Вспомним, что фунт стерлингов потерял свою роль основной резервной валюты только после Второй мировой войны, хотя становление доллара США началось на рубеже веков.

Введение евро уже ликвидировало колебания валютных курсов на европейском континенте и несколько снизило себестоимость товаров и услуг (риск, связанный с колебаниями, закладывается в себестоимость продукции).

Данные, которые ежедневно поступают с мировых бирж, свидетельствуют о хронических трудностях, испытываемых американской экономикой.

Финансовый рынок США падает и, по всей видимости, будет падать и далее. Отрицательно на курс доллара влияют также крупные финансовые скандалы внутри США (Enron, WorldCom).

Доллар будет ещё достаточно долго доминировать на рынках сырья также и потому, что сильный евро способен подорвать конкурентоспособность европейских товаров.

Поэтому в данный момент мы не наблюдаем политического единства стран Западной Европы (особенно Франции и Германии) и какого-либо желания у США уступать свои позиции.

К тому же, из-за резкого роста курса евро по отношению к доллару, Россия может понести дополнительные расходы, связанные с обслуживанием государственного долга, ведь основная часть долгов Парижскому клубу кредиторов рассчитывается в евро.

Наконец, стоит отметить, что американская политика имеет первостепенное значение не только для политологов, крупных инвесторов или предпринимателей, но и для рядовых граждан России.

Причины лежат на поверхности: российская экономика встроена в финансовую модель МВФ, а сбережения домашних хозяйств в своей массе конвертированы в доллары США.

Многие обозреватели уверенно говорят о неизбежной девальвации доллара. Однако, не исключено, что западный мир переживёт её за счёт треть-

их стран, а также посредством технологического отрыва от всего остального мира, включая Россию, которая и далее будет заниматься перераспределением собственности (на современном этапе — землёй).

Вряд ли следует также ожидать того, что экономическая конфронтация внутри «цивилизованно-

го сообщества» перерастёт в ближайшее время в крупный политический или даже военный конфликт.

Ещё осталось достаточно много «врагов» американского образа жизни, объединяющих его приверженцев в единую силу.

Денис Карев

Глава первая. Центральный Банк

Вот уже около столетия политики и средства массовой информации относятся к Федеральному резервному банку, как к некоему неприкосновенному, запретному полубожеству.

Никому, кроме невменяемых оппозиционеров и политических экстремистов, не позволено критиковать Федеральную резервную систему.

Общепринятая точка зрения гласит, что любой человек, подвергающийся нападкам Федеральную резервную систему, обречён на провал, а её проверка со стороны конгресса приведёт к хаосу в экономике и губительному росту спекуляции на фондовой бирже.

Недавно президент Клинтон назначил Алана Блайндера на должность члена Совета управляющих Федеральной резервной системы, состоящего из семи представителей.

Блайндер пустился в критику действий Федеральной резервной системы. По его мнению, процентные ставки слишком высоки и разнятся с установкой, утверждённой председателем Аланом Гринспеном.

Несчастный Блайндер был поставлен на место прессой, контролируемой влиятельными кругами.

Он, без сомнения, получил совет держать язык за зубами, поскольку, после озаглавленной речи Блайндер неоднократно заявлял, что никаких разногласий между ним самим и председателем Гринспеном не существует, и отказался идти дальше своего курьёзного прегрешения.

Распространено искажённое представление о Федеральной резервной системе. Президент США и конгресс, если и имеют влияние на её политику, то совсем незначительное.

В 1913 г. конгресс передал все денежно-кредитные полномочия Федеральной резервной системе.

Федеральная резервная система — это **частный банк**, которым владеют банки, она выплачивает дивиденды по акциям, принадлежащим только банкам.

Федеральная Резервная Система — это частный Центральный Банк.

До сих пор политика Федеральной резервной системы (политика вовсе не государства) является доминирующим фактором в экономическом росте. Федеральная резервная система может создавать рабочие места, отпуская кредит.

Правительство много говорит о создании рабочих мест, но в действительности в состоянии

плодить только государственных чиновников, которые больше ограничивают, нежели поощряют предпринимательскую активность.

В то же время, частный сектор создаёт производительные рабочие места и сильно зависит на этом поприще от политики Федеральной резервной системы.

Конгресс никогда не расследовал деятельность Федеральной резервной системы и весьма вероятно, что мы этого не дождёмся. Никто не видел её счетов, они не ревизуются. Балансовые отчёты не выпускаются.

Никто, кто бы то ни был, просто не уцелеет, если он отважится критиковать Федеральную резервную систему.

В чём причина всей этой секретности и осмотрительности?

В том, что Федеральная резервная система обладает законной денежной монополией, предоставленной конгрессом во время заседания 1913 г., которое было неконституционным и мошенническим.

Большинство конгрессменов не имели никакого представления о содержании законопроекта о Федеральной резервной системе. Президент Вудро Вильсон, задолжавший Уолл-стрит, подписал законопроект.

Федеральная резервная система обладает правом выпускать деньги в обращение. Эти деньги — фикция, созданная из ничего. Это могут быть деньги в форме созданного через «учётное окно»¹ кредита, посредством которого другие банки берут займы под учётную ставку процента.

Это могут быть банкноты, напечатанные государственным казначейством, проданные Федеральной резервной системе и оплаченные созданным ею капиталом.

Одним словом, упомянутая частная группа банкирских домов обладает монополией на печатный станок.

Данное исключительное право никем не контролируется и является источником беспроектной прибыли. Кроме того, монополия не обязана отвечать на вопросы, выпускать исследования или ежегодные отчеты.

Это — неподвластная никому денежная монополия.

¹ Заёмные средства, предоставляемые центральным банком кредитным институтам. — *Прим. перев.*

Книга, которую Вы держите в руках, объясняет, как появилась данная монополия.

Очевидно, когда проблема Федерального резервного банка обсуждалась, конгресс и широкая общественность были введены в заблуждение и отошли от дел. Если монополия сохраняется, так это потому, что люди преисполнены невежества.

При условии, что их личная жизнь более или менее налажена, у них не возникнет желания поставить под вопрос действия Федеральной резервной системы. Но, даже если причина появится, они найдут ничтожно мало источников, раскрывающих реальные факты.

Глава вторая. Томас Джефферсон и финансовый клан

В современном научном мире модно не обращать внимания на веские доводы «отцов-основателей»: мнения президентов Томаса Джефферсона², Джеймса Медисона и, в особенности, Эндрю Джексона.

В действительности, их доводы состоят в том, что Республика и Конституция постоянно находятся в опасности, исходящей от, так называемого, «финансового клана» — группы автократов, или «элиты», как бы мы выразились сегодня, которая оказывает влияние на политическую власть государства с целью получения монополии на эмиссию денежных знаков.

Современные исследователи игнорируют даже главное соображение Томаса Джефферсона — оградить новорождённые Соединённые Штаты от той части верхушки, которую он именовал «монократами» и «монополистами».

Это была банковская монополия, которую Джефферсон рассматривал, как величайшую угрозу для существования республики.

Идеалом Джефферсона была республика мелких собственников с чувством гражданской осведомлённости и уважением к правам своих ближних — то, над чем насмеются современные члены элиты и марксисты.

Маркс позже назовёт их буржуазией, а Нельсон Рокфеллер некогда именовал их «крестьянами».

Лучшим государством для Джефферсона была наименьшая по размерам формация, где граждане-единоличники берут на себя защиту прав ближних.

Несмотря на то, что Джефферсон чуждался социалистических убеждений, он в равной степени не признавал монопольную власть банковских кругов и опасался того, что она могла бы отрицательно повлиять на американские свободы.

Вот слова самого Джефферсона:

«Если американский народ когда-либо позволит банкам контролировать эмиссию своей валюты, то, вначале посредством инфляции, а затем — дефляции, банки и корпорации, которые возникнут вокруг них, лишат людей всего имущества, а их де-

Многие слишком заинтересованы в защите монополии Федеральной резервной системы. Академический труд, критикующий Федеральную резервную систему, в США никогда не найдёт издателя, а автору-экономисту, вероятно, откажут в занимаемой должности.

Перед Вами первая книга, подробно раскрывающая, час за часом, события, приведшие к утверждению закона о Федеральной резервной системе 1913 г. Она детализирует многие десятилетия работы и скрытого планирования, профинансированного банкирскими домами с целью заполучить денежную монополию.

ти окажутся беспризорными на континенте, которым завладели их отцы.

Право выпускать деньги должно быть отнято у банков и возвращено конгрессу и народу, которому оно принадлежит. Я искренне полагаю, что банковские институты более опасны для свободы, нежели регулярные армии»³.

Первая частная банковская монополия

Мнения «отцов-основателей» по поводу банков и «финансового клана» отражают столкновение политических воззрений ранних американцев: Александра Гамильтона, с одной стороны, и Джефферсона, Медисона и Франклина — с другой.

Гамильтон представлял характерную более для Европы автократическую традицию. Там, где политические методы были бездейственны, автократия рассчитывала на победу посредством банковской монополии.

Именно Гамильтон внёс в декабре 1790 г. на рассмотрение в Палату представителей законопроект, предоставлявший концессию находившемуся в частном владении Банку Соединённых Штатов. И таким образом учредил первую частную денежную монополию в США — предшественницу частной Федеральной резервной системы.

Именно Александр Гамильтон всего лишь за несколько лет до этого написал устав Банка Нью-Йорка — первого банка в городе. Исаак Рузвельт — прапрадед Франклина Делано Рузвельта — с 1791 по 1796 гг. был вторым за всю историю председателем правления этого банка.

Предложение Гамильтона о национальном банке сводилось к предоставлению конгрессом привилегированному меньшинству концессии на частную монополию.

Банк Соединённых Штатов имел бы тогда исключительное право эмитировать валюту, он был бы освобождён от налогообложения, а правительство Соединённых Штатов, в конечном счёте, несло бы ответственность за все его действия и долги.

³ The Writings of Jefferson, vol. 7 (Autobiography, Correspondence, Reports, Messages, Addresses and other Writings) (Committee of Congress Washington, D. C., 1861) p. 685.

² Его портрет помещён перед заголовком. — *Прим. ред.*

Вот, как это описывает Джордж Банкрофт⁴:

«Гамильтон рекомендовал создать национальный банк с акционерным капиталом в десять или пятьдесят миллионов долларов, оплаченным на одну треть металлическими деньгами, а на другие две трети европейскими денежными фондами или земельным обеспечением. Его должны были возвести в статус легального акционерного общества в течение тридцати лет. За это время никакой другой банк — государственный или частный — не мог бы получить этот статус.

Его капитал и депозиты должны были быть освобождены от налогообложения, а Соединённые Штаты, в общем и в частности, должны были сообща нести ответственность за все его экономические операции. Статьей его дохода должно было стать исключительное право на эмиссию валюты для Соединённых Штатов, равной по сумме всему акционерному капиталу банка»⁵.

Реакция общественности на предоставление конгрессом частной банковской монополии группе отдельных граждан была язвительной.

Джеймс Медисон признавал:

«В случае мирового обращения банкнот предложенного банка, прибыли будут настолько велики, что правительству следует получить весьма значительную сумму для предоставления данного преимущественного права. Существуют другие недостатки, и право учреждать второстепенные банки не должно быть предоставлено какой-либо группе людей»⁶.

В Сенате выступил с резким осуждением Уильям Мак-Клей:

«17 января (1790), понедельник. Я сказал прямо, что не являюсь защитником банковской системы; что я считаю их машинами для стимулирования доходности сектора непродуктивной рабочей силы; что вся прибыль банка должна принадлежать обществу. В этом случае, в общественных интересах было бы возможным увеличить совокупную стоимость акционерного капитала.

Однако, я должен заметить, что по данным требованиям общественность грубо провела. Она (общественность) кредитовала только монетой; отдельные лица (банковские устроители) кредитовали на три четверти сертификатами, в которых обеспечения ценности со стороны банка было не более, чем в жнивье.

К тому же, сертификаты не представляли уже никакого интереса, и было крайне несправедливым, что другие бумажные ценности (деньги) должны были выпускаться в кредит, отягощённый процентом, и действовавшим на государство, как дополни-

тельный налог»⁷.

Предложение Гамильтона было направлено в сенатскую комиссию. Но в неё входил Филип Шилер (тесть Гамильтона), а все её члены разделяли политические взгляды Гамильтона. Одним словом, комиссия была сформирована из подставных лиц.

Позже президент Вашингтон направил законопроект Томасу Джефферсону (государственному секретарю) и Эдмунду Рэндольфу (министру юстиции и генеральному прокурору). Оба нашли законопроект противоречащим Конституции.

Точка зрения Джефферсона по поводу неконституционных действий банка содержала следующий веский аргумент:

«Я полагаю, что фундамент Конституции заложен на следующем принципе: все полномочия, не переданные Соединённым Штатам Конституцией и в равной степени не запрещённые ею штатам, сохранены за штатами или за народом. Выйти за эти рамки, очерченные специально для полномочий конгресса — значит овладеть беспредельной сферой власти, не поддающейся более какому-либо определению.

Законопроект передаёт наши права национальному банку, который волен, на своих условиях, отклонять любые соглашения. Общество же не обладает подобным правом — правом воспользоваться услугами любого другого банка»⁸.

Банк Нью-Йорка

Это был далеко не первый проект Александра Гамильтона, направленный на предоставление привилегий банкам в угоду собственной корысти. Пятью годами ранее, в 1784 г., Гамильтон присоединился к Исааку Рузвельту и иным лицам для того, чтобы организовать Банк Нью-Йорка.

Удивительно, что исследователи не придавали особого значения связи семьи Рузвельтов с Банком Нью-Йорка — первым банком, основанным, как в городе, так и в штате Нью-Йорк, а также одним из первых банков США.

Только Банк Северной Америки и Банк Пенсильвании, образованные во время войны за независимость, являлись его предшественниками.

Первое совещание директоров Банка Нью-Йорка прошло 15 марта 1784 г. На нём присутствовали следующие лица⁹:

Александр Макдугал,
Самуэль Франклин,
Роберт Боун,
Комфорт Сэндз,
Александр Гамильтон,
Джошуа Уоддингтон,

⁴ Банкрофт (Bancroft) Джордж (1800-91) — американский дипломат, историк; в 1845-46 морской министр. Основной труд — «История США» (т. 1-10). — *Прим. перев.*

⁵ The History of the Constitution of the United States, (D. Appleton & Co., New York, 1893) p. 31.

⁶ Gaillard Hunt, Writings of James Madison, (Geo. P. Putham's Sons, New York) vol. 6, p. 371.

⁷ Journal of Wm. McClay, United States Senator from Pennsylvania, 1789. Edited by Edgar S. McClay (D. Appleton & Co., New York, 1890) p. 371.

⁸ The Writings of Jefferson, vol. 7, Joint Committee of Congress, op cit.

⁹ Henry W. Dommet, Bank of New York 1784-1884, (Putham's Sons, New York, 1884) p. 9.

Томас Б. Стоугтон,
Уильям Максвелл,
Николас Лоу,
Даниель Мак-Кормик,
Исаак Рузвельт,
Джон Вандербилт,
Томас Рандалл.

Александр Гамильтон, который, как мы убедились, решительно противостоял Томасу Джефферсону и джефферсоновской демократической традиции в американской политике, был связан с Банком Нью-Йорка с самого начала.

Устав Банка Нью-Йорка фактически был написан Александром Гамильтоном. И, поскольку большинство из новоизбранных членов правления банка не были знакомы с банковским делом, именно Александр Гамильтон предоставил рекомендательное письмо в Банк Северной Америки, который снабдил его нужной информацией и руководством.

Первым президентом Банка Нью-Йорка стал Джеремайя Уодсворт. Его пребывание на должности было недолгосрочным, и в мае 1786 г. президентом был избран Исаак Рузвельт, а вице-президентом при нём стал Уильям Максвелл.

Банковские помещения располагались в старом Уолтон-Хаусе. Напротив, по улице Квин-стрит 159, находился рафинировочный завод Рузвельта.

Злоупотребление служебным положением со стороны Александра Гамильтона более чем очевидно. Ведь в 1789 г., когда Конституция Соединённых Штатов вступила в силу, он стал министром финансов США.

Кроме того, как директор, Гамильтон не принимал активного участия в работе Банка Нью-Йорка. Он консультировал кассира банка Уильяма Ситона. В итоге в 1790 г.

Банк Нью-Йорка выступил посредником правительства Соединённых Штатов при продаже двухсот тысяч гульденов. Одновременно Гамильтон изложил в конгрессе идею руководства Банка Соединённых Штатов в частной банковской монополии.

Более того, Гамильтон использовал своё влияние члена правительства с целью не допустить Банк Соединённых Штатов в Нью-Йорк. Банку Нью-Йорка не нужны были конкуренты.

Также выяснилось, что Гамильтон пытался сделать Банк Нью-Йорка единственным представителем правительства Соединённых Штатов в городе. В январе 1791 г. Александр Гамильтон писал Уильяму Ситону следующее:

«Я постараюсь придать благоприятную окраску новому союзу, уместность которого ясно проиллюстрирована текущим положением вещей. Я хочу, чтобы Банк Нью-Йорка, во что бы то ни стало, продолжал принимать вклады от инкассирования бумаг Банка Соединённых Штатов. Также желательно, чтобы банк мог получить выплату по голландским векселям теми же бумагами»¹⁰.

¹⁰ Н. W. Dommet, op. cit., p. 41.

Далее в этом же письме Гамильтон сообщает: «Доверьтесь мне. Если на вас окажут давление, то любая посильная помощь будет вам предоставлена. Что касается общественности, то она материально заинтересована в содействии такому важному учреждению, как Банк Нью-Йорка. Наша общая задача — выдержать атаки безумной клики мошенников, беспринципных по целому ряду требований».

Предложение о создании в Нью-Йорке в 1791 г. альтернативного банка Александр Гамильтон тоже воспринял болезненно. Он выразил крайнее неодобрение, когда услышал об этом проекте. Вот, что Гамильтон писал Уильяму Ситону 18 января 1791 г.:

«С беспредельной болью я узнал о том, что в вашем городе появился новый банк. Последствия данной инициативы в любом случае могут быть только пагубными. Я искренне надеюсь, что Банк Нью-Йорка не вступит в коалицию с этим новоиспечённым чудовищем. Я склонен полагать, что всё это вызовет к жизни более выгодный альянс. Единная сила двух сплочённых обществ без особого напряжения и насилия сметёт этот нарост. Я высказываюсь столь резко и конфиденциально не потому, что в моей оценке имеется какой-либо недостаток, а по причине того, что только так можно отразить естественную тенденцию вещей»¹¹.

Согласно «Истории крупнейших капиталов Америки» Майерса¹², Банк Нью-Йорка «внедрился в политические круги и боролся с распространением демократических воззрений грязными, но эффективными методами».

Майерс утверждает, что основатели банка, придерживавшиеся традиции Гамильтона, полностью осознавали угрозу своим финансовым интересам со стороны Джефферсона.

Даже в 1930 г. Банк Нью-Йорка имел в своём штате представителей семьи Рузвельтов. В. Эмлен Рузвельт состоял в правлении в 1930 г., равно, как и Кливленд Додж, спонсор Вудро Вильсона на президентских выборах (см. ниже), и Аллан Уордвелл — партнёр Дж. П. Моргана, сыгравший далеко не последнюю роль в большевистской революции 1917 г.¹³.

Второй банк Соединённых Штатов

4 марта 1809 г. в должность президента вступил Джеймс Медисон, — внешне скромный и приятный человек. В 1776 г. Медисон был участником виргинского съезда и членом комитета, вырабатывавшего Конституцию и Билль о правах.

В 1787 г. Медисон стал членом делегации Виргинии на филадельфийском съезде и внёс конкретные предложения касательно Конституции, составившие, так называемый, «Виргинский план».

Во всех отношениях, Медисона можно на-

¹¹ Н. W. Dommet, op. cit., p. 43.

¹² Н. W. Dommet, op. cit., p. 125.

¹³ Antony Sutton, «Wall Street and the Bolshevik Revolution», (New York, Arlington House, 1974). Русское издание: Саттон Энтони. «Уолл-стрит и большевицкая революция». М. «Русская идея». 1998.

звать «архитектором Конституции». Следовательно, взгляды Медисона на проблему банковских частных монополий можно считать основополагающими.

В 1811 г. концессия с Первым банком потеряла силу, и конгресс отказался продлить соглашение по причине несоответствия данного действия Конституции. В своём послании президент Медисон повторил данный тезис и сделал следующий комментарий:

«В целом, ясно, что предложенные учреждения будут:

- пользоваться монополией на получение доходов национального банка в течение двадцати лет;

- что с ростом народонаселения и благосостояния, монополизированные прибыли будут непрерывно увеличиваться;

- что всякий раз, когда благородных металлов будет недоставать, нация в течение этого времени будет зависеть от банковских билетов, а не от металлического средства обращения;

- всё время нация будет зависеть от банковских билетов настолько, что вследствие этого они могут стать приемлемой заменой металлическим

средствам обращения;

- что экстенсивное использование банкнот в сборе расширенных налогов, кроме того, даст банкам возможность значительно увеличить их (банкнот) выпуск без обеспечения обращения металлическими деньгами.

Понятно, что правительство, в обмен на эти исключительные уступки банку, должно иметь большее обеспечение в достижении государственных целей данного учреждения, как представлено в этом законопроекте» [Gaillard Hunt, *The Life and Writings of James Madison* (New York, Putham's Sons, 1908), vol. 8, p. 327.].

Война 1812 г. предоставила сторонникам банка возможность выдвинуть очередное обоснование. Бедственное положение экономики, вызванное войной, требовало финансового подкрепления в форме нового национального банка.

Находясь под бременем данных обстоятельств, Палата представителей и Сенат приняли законопроект, позволивший учредить Второй банк Соединённых Штатов. Джеймс Медисон утвердил закон 10 апреля 1816 г.

Глава третья. Эндрю Джексон против клана

В отличие от текущего концессионного договора с Федеральной резервной системой, первый договор со Вторым банком Соединённых Штатов был денонсирован вовремя. Очередная концессия Второму банку Соединённых Штатов, вместо предыдущей, была предоставлена конгрессом в июле 1832 г.

Но президент Эндрю Джексон безотлагательно наложил вето на законопроект, сопроводив его эмоциональным посланием, представляющим исключительный интерес для истории.

Согласно современной научной оценке, оно является «педантичным, демагогическим и исполненным притворства»¹⁴.

В действительности, читая послание сегодня, можно сказать, что опасения и доводы Эндрю Джексона явились пророчеством для американского народа. В своей первой речи, при вступлении в должность в январе 1832 г., Джексон так изложил свою позицию по поводу банка и пролонгации концессии:

«Срок действия договора с Банком Соединённых Штатов истекает в 1836 г. И, по всей вероятности, акционеры обратятся за продлением действия своих привилегий. Я не могу пойти на этот шаг, чтобы избежать пороков, порождаемых поспешностью, в принятии закона, затрагивающего фундаментальные принципы и скрытые финансовые интересы. Я не решусь на это, отдавая должное изби-

рателям и партиям, заинтересованным в слишком скорой передаче документа на рассмотрение законодательной власти и народа.

Соответствие данного закона Конституции полностью поставлено под вопрос, поскольку закон предоставляет акционерам особые привилегии, могущие иметь опасные последствия. Его целесообразность ставится под сомнение большинством наших граждан. И надо полагать, никто не будет отрицать, что он не достиг нашей благородной цели введения единой и крепкой валюты во всей стране»¹⁵.

Личная точка зрения Эндрю Джексона на проблему Второго банка Соединённых Штатов содержится в меморандуме, собственноручно написанном Джексонем в январе 1832 г.¹⁶

Его оценка свидетельствует, насколько современное толкование Конституции разнится с идеалами «отцов-основателей». Исходным аргументом Джексона является положение о том, что «верховная власть принадлежит народу и штатам».

Далее Джексон говорит о корпорациях, которыми собираются даровать властные полномочия, тогда как федеральному правительству никто их специально не предоставлял. И что «никакая верховная власть, если она не предоставлена специально, не может осуществляться, как «подразумеваемые полномочия». Ключевым является определение «подразумеваемые полномочия»¹⁷. В Конституции

¹⁴ Bray Hammond, «Bank and Politics in America», (Princeton University Press, Princeton, 1957) p. 405. Примечательно, что Принстон, один из старейших университетов Новой Англии, является университетской базой «элиты» и способствует закреплению данного исторического толкования.

¹⁵ James A. Hamilton, *Reminiscences*, p. 149.

¹⁶ John Spencer Basset, ed., «Correspondence of Andrew Jackson», (Carnegie Institution, Washington, D.C., 1929-32) vol. 4, p. 389.

¹⁷ «Подразумеваемые полномочия» — это полномочия правительства, вытекающие из конституции США.

они не упоминаются.

Затем Джексон утверждает, что в принципе, в случае «необходимости», возможно давать привилегии, предоставляющие властные полномочия банкам и корпорациям. Но это должна быть «крайняя необходимость, а отнюдь не принуждение». И потом, в пределах округа Колумбия, конгресс сам по себе обладает подобной суверенной властью. Джексон продолжает:

«Создание государством корпорации и членство в ней несовместимы с властными полномочиями, которыми оно обладает. Создатели (нашей Конституции) были слишком хорошо осведомлены о том пагубном влиянии, которое могущественная денежная монополия оказывала на государство. Цель оказываемого влияния состояла в том, чтобы любым способом, либо закреплённым Конституцией, либо подразумеваемым ей, узаконить это чудовище».

Чрезвычайные трудности и огромная власть бюрократии, с которыми Джексон столкнулся в своей борьбе с «денежной монополией», а также её влияние, нашли своё отражение в письме к Хью Л. Уайту от 29 апреля 1831 г. (том 4, стр. 271):

«Благородные принципы демократии, которые мы впитали с молоком матери, должно отстаивать федеральное правительство. Они могут быть претворены в жизнь только сплочённым кабинетом министров, работающим для достижения этой цели. Выступления против продления договора с Банком Соединённых Штатов должны приветствоваться. Губительное влияние банковских кругов на нравы людей и конгресс должно восприниматься с бесстрашием...

Думаю, многие в тайне вступили в эти ряды. Из сторонников расширенных прав штатов и приверженцев политики национального возрождения сложно создать кабинет министров, который с готовностью объединился бы со мной в благородной задаче реформирования руководства нашего государства»¹⁸.

К 1833 г. прения по поводу продления концессии с Банком Соединённых Штатов переросли в конфликт между Эндрю Джексонем и его министром финансов Уильямом Дуэйном. В итоге, конфликт привёл к отставке министра.

Джексон имел виды на изъятие всех государственных депозитов из Банка Соединённых Штатов, принадлежавшего частным лицам. В свою очередь Дуэйн противился инициативе Джексона.

В письме от 26 июня 1833 (том 5, стр. 111) Эндрю Джексон более подробно останавливается на

Полномочия, которые напрямую предоставлены правительству конституцией США, называются «определёнными полномочиями» (перечислены в первых трёх статьях конституции). — *Прим. перев.*

¹⁸ John Spencer Basset, ed., «Correspondence of Andrew Jackson», (Carnegie Institution, Washington, D.C., 1929-32) vol. 4, p. 271. Джексон не был искусным писателем. Он был больше деятельным и принципиальным человеком. Тем не менее, его точка зрения понятна каждому, умеющему читать.

своём требовании об изъятии государственных депозитов из Банка Соединённых Штатов.

Он предлагает для их хранения выбрать в каждом городе по банку. Для этой цели были бы предпочтительней государственные банки с хорошей репутацией. Сосредоточение средств в одном банке явилось бы частной монополией.

Письмо сопровождалось приложением, разъяснявшим взгляды Джексона на возможные отношения государства с Банком Соединённых Штатов. Приложение содержало одно откровенное высказывание:

«Создатели (нашей Конституции) были слишком хорошо осведомлены о том пагубном влиянии, которое могущественная денежная монополия оказывала на государство. Цель оказываемого влияния состояла в том, чтобы любым способом, либо закреплённым Конституцией, либо подразумеваемым ей, узаконить это чудовище.

Банковские корпорации — это те же брокеры, только в крупном масштабе. Входило ли в намерение создателей Конституции сделать из нашего государства правительство торговых агентов? Если да, то тогда доходы национальной биржи должны являться благом всего общества, а не прерогативой привилегированной группы крупных капиталистов»¹⁹.

В декабре 1831 г. конгресс выступил с ходатайством о пролонгации концессии с банком, и Джексон наложил вето на этот законопроект.

Так как Джексон являлся в то время кандидатом на переизбрание, наложенное вето прибавило ему политического веса в глазах избирателей. Общество одобрило действия президента и осудило законопроект, как «нецелесообразный и неконституционный».

Это позволило Джексону утверждать, что наложенное вето уже получило общественное одобрение. Поэтому он делал всё более смелые заявления: «обязанность банка — вести свои дела так, чтобы оказывать наименьшее давление на денежный рынок».

Джексон припомнил чрезвычайно быстрый рост государственного долга перед банком — за шестнадцать месяцев он вырос на двадцать восемь миллионов долларов, или шестьдесят шесть процентов. Джексон объяснил это так:

«Обстоятельство предоставления займов в огромных объёмах не может более отвергаться. Оно, бесспорно, позволило заполучить власть в стране и посредством интриг должников заставить правительство продлить концессию».

Должно быть, это первое и последнее заявление американского президента, раскрывающее суть того, о чём многие сейчас подозревают — некоторые банки (но не все) используют долг, как средство сдерживания политиков.

Мы не можем подозревать все банкирские

¹⁹ John Spencer Basset, ed., Correspondence of Andrew Jackson, (Carnegie Institution, Washington, D.C., 1929-32) vol. 4, p. 92.

дома, поскольку, например, банкам в католических странах не позволяется по религиозным соображениям использовать задолженность для оказания давления. Это было бы равносильным ростовщичеству.

Далее Джексон обрисовывает причины своего решения порвать все связи между банком и государством.

«Главный повод для возражения следующий. Банк Соединённых Штатов обладает властными полномочиями, и в таком случае будет иметь намерение потеснить государственные банки, особенно те, которые могут быть выбраны правительством для размещения денежных средств. Таким образом, это приведёт к нужде и разорению повсюду в Соединённых Штатах».

Затем Джексон приводит довод, весьма необычный для двадцатого столетия:

«Конституции Соединённых Штатов известна только одна валюта — золото и серебро. Соответственно, данный документ предоставляет конгрессу полномочие контролировать только золото и серебро».

Скорее всего, Эндрю Джексон рассматривал бы деятельность нынешней Федеральной резервной системы — частной банковской монополии, — как противоречащую Конституции. Или же назвал бы её «финансовым чудовищем» в новом облачении.

Последнее послание президента Эндрю Джексона американскому народу от 4 марта 1837 г. стало, по сути, пророческим. Он открыто предупреждает американских граждан об опасностях, грозящих их свободам и благосостоянию.

Это было в последний раз, когда американский президент был еще достаточно независим от власти могущественной элиты. Вот извлечение из этого послания.

«Банк Соединённых Штатов вёл настоящую войну против народа с целью принудить его подчиниться своим требованиям. Нужда и смятение, охватившие и взволновавшие тогда всю страну, ещё не могут быть забыты.

Глава четвёртая. Социалистический Манифест Клинтона Рузвельта

Со времени последнего обращения Джексона к американскому народу в 1837 г. «меньшинство», то есть, властная элита, занимает господствующее положение.

Президент Мартин Ван Бурен пытался сломить их силу, но ему это не удалось. Так же, как и Линкольну. Начиная с Линкольна, ни один президент даже и не пытался обуздать влияние элиты.

С одной стороны, ясно, что «денежная монополия» контролирует существующее положение вещей и правящие круги.

С другой стороны, «революция возрастающих потребностей», на первый взгляд, организована социалистами, но фактически социализм в теории и на практике создан «денежной монополией», взявшей его под опеку долговыми обязательствами и своей политической мощью.

В этой главе мы рассмотрим американский

Жестокий и беспощадный характер, который носила эта борьба с целыми городами и сёлами, люди, доведённые до нищеты, и картина безмятежного процветания, сменившаяся миром мрака и упадка сил, — всё это должно на вечные времена остаться в памяти американского народа.

Если это «привилегии» банка в мирное время, то каковыми они будут в случае войны?

Только нация свободных граждан Соединённых Штатов могла выйти победителем из подобного столкновения. Если бы вы не боролись, правительство могло бы перейти из рук большинства в руки меньшинства. И эта организованная финансовая клика, путём тайного сговора, диктовала бы свой выбор высокопоставленным чиновникам. И, исходя из своих потребностей, принуждала бы вас к войне или миру» [Richardson's Messages, vol. 4, p. 1523].

В то время, когда Джексон писал эти строки, предназначенные американскому народу, правительство перешло «из рук большинства в руки меньшинства».

Более того, меньшинство, «путём тайного сговора», уже диктовало свою волю политикам, организовывало подъём и внезапный спад деловой активности, принуждало к войне и миру.

В Соединённых Штатах последним пережитком демократической традиции Джексона были виги — они полностью осознавали всю силу закулисной власти.

По ту сторону Атлантического океана в Англии сторонники Ричарда Кобдена и Джона Брайта пытались вести похожую кампанию за свободу личности. Им это также не удалось.

В то время, как Джексон писал своё последнее послание, сочинялись социалистические манифесты. Но, как бы нас не заверяли, не для того, чтобы улучшить участь простого человека. Это было очередное ухищрение элиты с целью заполучить политическую власть.

социалистический манифест, написанный Клинтон Рузвельтом в 1841 г., — предтечу «Нового курса» Франклина Делано Рузвельта.

Клинтон Рузвельт — один из наименее известных представителей своего рода. Он происходил из семьи Рузвельтов, связанных с Банком Нью-Йорка. Своими социалистическими произведениями этот человек напоминал Рузвельтов XX столетия.

Затем в пятой главе мы опишем более известный труд — манифест Карла Маркса, который также финансировался из Соединённых Штатов.

«Денежная монополия» вызывает к жизни и пестует социализм. Давайте рассмотрим данное суждение на примере семьи Рузвельтов, которые были банкирами и социалистами в одном лице.

В то время, как одна ветвь Рузвельтов развивала Банк Нью-Йорка и рафинировочную промышленность, другая ветвь семьи значительно продви-

нулась в реальной политике и в политической философии.

Например, задолго до того, как Франклин Делано Рузвельт стал президентом, Джеймс Рузвельт в 1835, 1839 и 1840 гг. был членом законодательного собрания штата Нью-Йорк, членом «Локо-фоко»²⁰ и отличился тем, что выступил против попыток вигов устранить практику наполнения избирательных урн фальшивыми бюллетенями²¹.

Рузвельт имел влияние не только внутри правящих кругов Таммани-холл²², но и (согласно одному биографу) «был, по существу, связным между Таммани-холл и Уолл-стрит».

Рузвельт передавал указания банкиров должностным лицам и безжалостным образом навязывал кандидатов на выборах и для назначения на должность»²³.

В 1840-х гг. Джеймс Рузвельт выступал связующим звеном между наиболее влиятельными кругами Таммани-холл и банками Уолл-стрит, в списке которых значился принадлежащий Рузвельтам Банк Нью-Йорка. Клинтон Рузвельт родился в 1804 г. в семье Эльберта Корнелиуса Рузвельта.

Именно Клинтон Рузвельт написал социалистический манифест за несколько лет до Маркса, который позаимствовал свой более известный «Манифест Коммунистической партии» у французского социалиста Виктора Консидерана (см. главу пятую).

К. Рузвельт. «Наука управлять»

(Нью-Йорк, 1841)

Данный «трактат» — проект управляемого властной элитой тоталитарного государства, в котором отсутствуют какие-либо права личности.

Информация о данной книге была удалена из каталога Библиотеки конгресса, хотя ранее книга

²⁰ Loco Foco party, Loco-Focos («Спичечная партия») прозвище в годы администрации Э. Джексона радикальной фракции отделения Демократической партии в Нью-Йорке, состоявшей в основном из рабочих и ремесленников. Фракция выступала за отмену бумажных денег, сокращение банковских привилегий и в защиту профсоюзов. Она получила своё прозвище после того, как 29 октября 1835 незаконно продолжила партийное собрание, в то время, как её противники прекратили выступления и покинули зал заседаний, выключив осветительные газовые горелки. Радикалы при помощи фосфорных спичек (loco foco matches) вновь зажгли свет и продолжили заседание. — *Прим. перев.*

²¹ Karl Schriftgiesser, *The Amazing Roosevelt Family, 1613-1942* (New York: Wilfred Funk, 1942) p. 143.

²² Штаб демократической партии в Нью-Йорке. — *Прим. перев.*

²³ Karl Schriftgiesser, *The Amazing Roosevelt Family, 1613-1942* (New York: Wilfred Funk, 1942) p. 142. Проверка схем, представленных на страницах XI и XII книги Шрифтгайссера, свидетельствует о том, что Франклин Делано Рузвельт, выступавший на выборах 1932 г. с критикой банковской системы, также напрямую происходит от основателя Банка Нью-Йорка Исаака Рузвельта.

была представлена в издании каталога 1959 г. (примечание автора).

Клинтон Рузвельт был родственником из поколения XIX века Франклина Делано Рузвельта, а также состоял в родстве с президентами Теодором Рузвельтом, Джоном Куинси Адамсом и Мартином Ван Буреном.

Единственное литературное произведение Клинтона Рузвельта содержится в редкой брошюре, изданной в 1841²⁴ г. По существу, это сократическая дискуссия между автором (то есть «меньшинством») и «издателем», символизирующим, возможно, всех нас («большинство»).

Рузвельт предлагает тип тоталитарного государства, примерно схожий со схемой Карла Маркса.

В модели Рузвельта личности отводится второстепенная роль по отношению к элитарной аристократической группе (читай — «меньшинству» или авангарду в марксистской терминологии), которая разрабатывает и принимает все законы. Рузвельт, для достижения собственных целей, требует отказаться от Конституции.

«И. (Издатель): Я снова вопрошаю: хотели бы вы тотчас же отказаться от старых догм Конституции.

А. (Автор): Не в большей степени, если бы мне пришлось отказаться выпрыгнуть за борт тонущего корабля, чтобы спастись. Это наспех сколоченное судно, на котором мы оставили британскую флотилию. А тогда это считалось поступком, исход которого сомнителен и не предreshён»²⁵.

Модель Рузвельта основывается «в первую очередь, на искусстве кооперации». По мнению Рузвельта «это позволит использовать общие усилия для взаимной выгоды».

Это та самая кооперация (обязанность жертвовать своими усилиями в интересах «меньшинства»), которая проходит красной нитью в произведениях и проповедях социалистов — от Маркса до современной Трёхсторонней комиссии.

В схеме Рузвельта каждый человек продвигается вверх по специально установленным уровням общественной системы и назначается на должности, к которой он более приспособлен. Выбор должностей строго ограничен. Вот, как это описывает Клинтон Рузвельт:

«Кто будет назначать на должности?»

А. Великий Маршал.

И. Кто будет нести ответственность за качество квалификации кандидатов?»

²⁴ Clinton Roosevelt, «The Science of Government Founded on Natural Law» (New York: Dean & Trevett, 1841). Известно, что существует два экземпляра книги: один — в Библиотеке конгресса, другой — в библиотеке Гарвардского университета. В последнее издание каталога Библиотеки конгресса книга не включена, в то время, как она была представлена в нём в 1959 г. (стр. 75). Факсимильное издание было осуществлено Эмануэлем Джоузефом. См. *Roosevelt's Communist Manifesto* (New York: Chedney Press, 1955).

²⁵ Там же.

А. Суд физиологов, Этики, Фермеры и Механики, подотчётные ему.

И. Будут ли граждан склонять к решениям суда в выборе профессии?

А. Нет. Любой человек с хорошей репутацией, методом проб и ошибок, сможет подыскать себе вид деятельности, к которому он наиболее расположен».

Далее у Рузвельта появляется Маршал Созидания, задача которого — уравнивать производство и потребление.

«И. Каковы обязанности Маршала Созидания или Производственного ордена?

А. Определить объём продукции и количество изготовителей, необходимых для устойчивого производства в каждой отрасли. Когда производство наладится, он будет сообщать Великому Маршалу об излишках и дефицитах.

И. Как он будет выявлять перепроизводство или дефицит?

А. Всевозможные торговцы будут докладывать ему о спросе и предложении в каждой отрасли коммерции, что будет показано ниже.

И. Насколько я понимаю, в руках у Производственного ордена находятся изготовители, торговля и земледелие. Тогда, каковыми будут обязанности Маршала Земледелия?

А. Он должен будет контролировать четыре региона. В противном случае внешняя торговля будет обязана восполнить дефицит.

И. Что за четыре региона?

А. Регион с умеренным климатом, тёплый, жаркий и морской регионы.

И. На каком основании вы подразделяете их таким образом?

А. Сельскохозяйственная продукция данных областей требует различных методов возделывания и должным образом удовлетворяет разные потребности».

Через семьдесят пять лет в 1915 г. президент Вудро Вильсон поручил Бернарду Баруху разработать план создания комитета по оборонительной мобилизации. Впоследствии комитет Баруха был преобразован в Военно-промышленное управление²⁶, которое заменило Генеральный совет военного снабжения.

По своей структуре Военно-промышленное управление напоминало модель, описанную Клинтон Рузвельтом в 1841 г., а также кооперативные торговые организации. Последние являлись долгожданным подарком для Уолл-стрит, позволявшим контролировать нежелательные строгие меры конкуренции на рынке.

Промышленные комитеты, большой и малый бизнес не только были представлены в Вашингтоне, но и вместе с Вашингтоном образовывали единое целое — главную опору всей структуры.

К марту 1918 г. президент Вильсон в обход конгресса наделил Баруха большей властью, чем кто-либо имел за всю историю Соединённых Штатов.

Военно-промышленное управление под председательством Баруха отвечало за строительство всех заводов, за всё сырьевое и материальное снабжение, а также транспортное обеспечение. Принятие всех окончательных решений было возложено также на председателя Баруха.

Военно-промышленное управление являлось предшественником Управления национального восстановления, созданного в 1933 г.

Некоторым чиновникам Военно-промышленного управления образца 1918 г., назначенным Барухом — Хью Джонсон, например — нашлось место и в Управлении национального восстановления Рузвельта.

«Новый курс» Франклина Рузвельта, фактически написанный Джерардом Своупом²⁷ из «Дженерал электрик», выказывает удивительное сходство со схемой, предложенной Клинтон Рузвельтом в 1841.

Глава пятая. Манифест Карла Маркса

Современное государство всеобщего благоденствия, которое мы имеем здесь в Соединённых Штатах, обнаруживает удивительное сходство с моделью, описанной в «Манифесте Коммунистической партии».

Предположительно «Манифест» написан Карлом Марксом в 1848 г. Десять пунктов «Манифеста» — это программа по свержению среднего класса или буржуазии (некрупных капиталистов).

Программа была претворена в жизнь следующими друг за другом демократическими и республиканскими правительствами, начиная с кабинета президента Вудро Вильсона. Программа осуществлялась под водительством бесценной властной элиты.

Заклятым врагом Маркса был средний слой общества или буржуазия. Маркс предлагал экспроприировать имущество у среднего класса путём революции, организованной, так называемым, рабочим классом, или пролетариатом.

К несчастью для Маркса, рабочий класс никогда не тяготел к бунтарству. В действительности, любая коммунистическая революция — дело рук

²⁶ Государственный орган, созданный в июле 1917. Был призван координировать снабжение вооружённых сил США и союзников, развитие военного производства, изыскание и распределение материальных ресурсов, рабочей силы и т.д. В марте 1918 его возглавил Б. Барух. Управление было расформировано после окончания первой мировой войны. — *Прим. перев.*

²⁷ Дж. Своуп (Swope) (1872-1960) был президентом «Дженерал электрик». В период Великой депрессии 1929-1933 разработал антикризисную программу, известную, как «план Своупа». Данный проект лёг в основу деятельности Управления национального восстановления, созданного президентом Ф. Рузвельтом. — *Прим. перев.*

горстки коммунистов.

Но может ли власть быть захвачена столь небольшой группой сподвижников? Ответом будет «да», поскольку коммунисты всегда пользовались поддержкой, так называемого, правящего класса — капиталистов и банкиров.

Эта поддержка последовательно оказывалась, как Марксу в 1848 г., так и революционерам XX века в Центральной Америке, Анголе и Мозамбике, когда американская администрация находилась под влиянием Дейвида Рокфеллера.

Начнём с «Манифеста» 1848 г. Маркс предлагал экспроприировать имущество среднего класса:

«Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т.е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны, как средство для переворота во всём способе производства»²⁸.

Для реализации «деспотического вмешательства в право собственности» среднего класса, Маркс предлагает программу «мероприятий» из десяти пунктов:

«Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах. Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

2. Высокий прогрессивный налог²⁹.

3. Отмена права наследования.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.

6. Централизация всего транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.

10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с

²⁸ 1. Ryazinsky, «Communist Manifesto», (New York: Russell & Russell, Inc., 1963) p. 52.

²⁹ Здесь Маркс имеет в виду прогрессивный подоходный налог. В СССР он был введён декретом от 16 ноября 1922 под общим названием подоходно-поимущественного налога, который в 1924 был преобразован в подоходный налог. — *Прим. перев.*

материальным производством и т.д.»³⁰.

Как мы увидим далее, десять пунктов Маркса, направленных на ликвидацию среднего класса, почти реализованы в Соединённых Штатах.

Например, шестнадцатая поправка к Конституции США (подоходный налог) отражает архаичную политическую концепцию, берущую своё начало во втором тысячелетии до н.э. в Древнем Египте.

Фараоны и их высокопоставленные советники исходили из того, что предприниматели, торговцы и рабочие Египта, производившие материальные ценности, почему-то не были компетентны в вопросе распоряжения производимыми ценностями.

Фараон и высокопоставленные советники размышляли примерно так: «Послушайте, мы лучше вас знаем, что вам делать. Мы принудим вас к этому. Поскольку мы всё же всемогущи, мы посмотрим на всех вас сверху, и мы решаем, что благо, а что нет. Это гораздо лучше, нежели каждый из вас будем сам определять свою судьбу. Мы склоним вас к государственной программе пенсионного обеспечения по старости.

Поэтому, когда вы достигнете пенсионного возраста, вы сможете уйти на заслуженный отдых. Мы знаем, как вам поступать. Мы принудим вас к этому. Поскольку мы осознаём, насколько вы беспомощны. Мы склоним вас к государственной программе складского хранения продовольствия. Мы будем запасать зерно в закромах родины, поскольку мы отдаём отчёт тому, что вы неспособны хранить продовольствие самостоятельно».

«Более того, вы не в состоянии заботиться о своём здоровье. Мы понимаем, насколько важно здоровье, но ведь у вас нет возможности следить за ним. И потому мы предложим вам программу по здравоохранению. Мы навяжем вам её в ваших же интересах».

Способ, которым достигались все эти цели, заключался в отчуждении пятой части продукции всего Египта. Если вспомнить Ветхий Завет, то там сказано, «что фараон решил брать пятую часть от всех благ Египта и наполнять этим добром амбары во имя всеобщего благоденствия».

Современным поборником философских воззрений фараонов является ни кто иной, как Карл Маркс со своим «Манифестом Коммунистической партии».

«Манифест» стал самым важным экономическим документом двадцатого столетия. Его важность заключается в том нелицеприятном факте, что «Манифест» — это путеводная звезда в дебрях экономики для нашего политического руководства.

А также для исполнительной власти и, в большинстве случаев, для руководства обеих партий, которые поддерживают и претворяют в жизнь «мероприятия», предложенные Марксом.

«Манифест» гласит, что если осуществить все десять пунктов в любой свободной формации с рыночной экономикой, то «капитализм» будет разру-

³⁰ Op. Cit.

шен, а на его руинах возникнет коммунистическое государство. Вот что писал об этом Маркс:

«Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путём революции он превращает себя в господствующий класс, то в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения».

Вторым пунктом в «Манифесте» значится высокий прогрессивный налог. В Соединённых Штатах он был утверждён шестнадцатой поправкой к Конституции — законом страны в нашем государстве с 1913 г.

Впоследствии в этом же году был принят закон о Федеральной резервной системе. Весьма примечательно, что основная идея данного нормативного акта отражена в «Манифесте» Маркса в пункте пятом:

«Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией».

Другими словами, Маркс предложил схему резервной центральной банковской системы, которая напоминает структуру Первого банка Соединённых Штатов, общие принципы закона о Федеральной резервной системе, а также модель ранних европейских центральных банков.

Карл Маркс, как плагиатор

Маркс был выдающимся человеком. Он вовсе не был глупцом. Маркс понимал, что если небольшая группа людей завладеет предложением денег и институтом кредитно-банковских учреждений государства, то она единолично сможет управлять циклом «бум — спад» экономики этого государства.

Сформировав определённым образом экономическую и денежно-кредитную политики, возможно перемещать миллиарды долларов от одной группы к другой, от среднего класса к правящей верхушке, от жертвы к хищнику.

Для претворения вышеизложенного в жизнь необходимо пропагандистское прикрытие, и в середине XIX столетия им выступил памфлет Маркса.

Наиболее примечательной особенностью многословного «Манифеста», не берущейся почти всеми исследователями во внимание, является то, что Маркс нигде не высказывается положительно о рабочем классе, не говоря уже о среднем слое общества, который, по мнению Маркса, должен быть ликвидирован.

«Манифест» — это план по установлению окончательного господства членов элиты. Маркс потворствует захвату политической и экономической властей данной группой людей.

К тому же, если взглянуть на источник финансовой помощи, оказанной Марксу, то станет ясно, что выгодность «мероприятий» была очевидна для элиты ещё в 1840-х гг. XIX столетия.

Как мы увидим далее, Маркс был материально поддержан в своей цели написания манифеста.

Более того, основные положения «Манифеста» заимствованы из «Принципов социализма» малоизвестного французского социалиста Виктора Консидерана³¹, опубликованных в 1843 г.

Второе издание работы Консидерана было опубликовано в Париже в 1847 г. — за год до публикации «Манифеста Коммунистической партии» и как раз в то время, когда Марк и Энгельс проживали в Париже.

Факт плагиата был установлен малоизвестным писателем В. Черкесовым и подробно расписан в его «Страницах социалистической истории»³². Вот небольшое извлечение:

«Я был, мягко выражаясь, изумлён и даже уничижён, когда около года назад имел возможность ознакомиться с работой Виктора Консидерана «Принципы социализма: манифест демократии девятнадцатого столетия», написанной в 1843 г. и изданной во второй раз в 1847 г.

И на то были основания. В брошюре, состоящей из 143-х страниц, Виктор Консидеран с присущей ему непринуждённостью подробно излагает основы марксизма, этого «научного» социализма, который парламентарии желают навязать всему миру».

Строго говоря, теоретическая часть, где Консидеран рассматривает основополагающие вопросы, не превышает первые пятьдесят страниц. Остальные страницы посвящены судебному преследованию журнала фурьеристов «La Democratice rasifique» со стороны правительства Луи Филиппа — журнал был запрещён присяжными заседателями Сены.

Но на этих пятидесяти страницах известный фурьерист, как истинный знаток своего дела, приводит множество глубоких, ясных и блестящих обобщений. И даже ничтожная выборка его идей исчерпывающе раскрывает все марксистские законы и теории, включая концентрацию капитала и все принципы «Манифеста Коммунистической партии».

Таким образом, вся теоретическая часть, заключённая в первые две главы, которые Энгельс именовал как «в конечном счёте, не теряющие своей актуальности никогда», попросту заимствована.

«Манифест Коммунистической партии», эта библия революционной демократии, — крайне бездарное изложение отрывков из «Принципов социализма» Консидерана.

Более того, подражатели Консидерана умудрились сохранить структуру и названия глав его работы в «Манифесте Коммунистической партии».

Параграф два во второй главе «Принципов социализма» Консидерана озаглавлен, как «Современное положение и '89; буржуа и пролетарии». «Буржуа и пролетарии» — это название первой главы «Манифеста» Маркса и Энгельса.

В главе под названием «Демократия» Консидеран рассматривает различные социалистические и

³¹ В оригинале «Principes du Socialisme: Manifeste de la Democratice au au Dix Neuvieme Siecle».

³² Cooper, New York, 1902.

революционные партии. Параграфы данной главы имеют следующие названия.

- Консервативная демократия;
- Реакционная демократия;
- Социалистическая партия при реакционной демократии.
У Маркса и Энгельса находим следующее.
- Реакционный социализм;
- Консервативный, или буржуазный, социализм;
- Критически-утопический социализм и коммунизм.

И после этого вы скажете, что всё это отнюдь не подражание? Сравнивая содержание манифестов, понимаешь, что они полностью тождественны»³³.

Строка за строкой, Черкесов разоблачает Маркса и показывает, что он обычный вор. Великий и обожаемый Маркс на поверку оказался не более, чем троечником!

Никто не оспаривает того огромного влияния, которое Карл Маркс и Фридрих Энгельс оказали на мировую историю. Но в то же время деланное естество марксизма всегда скрывалось.

А как насчёт соратника Маркса Фридриха Энгельса? Лживость творений Энгельса документально обоснована в предисловии к «Положению рабочего класса в Англии» Гендерсона и Чалонера³⁴.

Ещё в 1848 г. Бруно Гильдебранд обстоятельно сформулировал доводы против книги Энгельса и, в частности, его пристрастного толкования отчётов правительства Великобритании. Энгельс желал доказать свою правоту, поэтому извратил факты.

Кстати, Гендерсон и Чалонер указывают на то, что «Энгельс временами использовал своё пылкое воображение вместо фактов». Например, на странице 118 работы Гендерсона мы находим следующее:

«В свидетельском показании перед парламентом коронер Ноттингема утверждал, что один аптекарь допустил использование тринадцати центнеров³⁵ патоки в год в производстве «Godfrey's Cordial»³⁶. Но в 1887 г. Энгельс писал, что «для приготовления «Godfrey's Cordial» использовалось тринадцать центнеров настойки опия в год».

Естественно, настойка опия сильно отличается от патоки. Скрытый умысел заключается в том, что, по мнению Энгельса, дети рабочих косвенно подвергались воздействию наркотика.

Благодетели Маркса

Откуда у Карла Маркса были средства? На

³³ W. Tcherkesoff, Pages of Socialist History, p. 56.

³⁴ W.O. Henderson, W.H. Chaloner, «Condition of the Working Class in England», Basil Blackwell, Oxford, 1958.

³⁵ В Великобритании один центнер равен 50,8 кг. — Прим. перев.

³⁶ Кордиал — тип спиртного напитка, сладкий ароматный ликёр, вырабатываемый путём смешивания или мацерации алкоголя с фруктами. — Прим. перев.

что он существовал? Проведя изыскание, мы обнаруживаем, что средства поступали из четырёх основных источников, и все четыре источника были связаны с властной элитой Германии и Соединённых Штатов.

Каналом финансирования публикации «Манифеста» был ни кто иной, как луизианский пират Жан Лаффит. Среди его подвигов можно выделить шпионаж в пользу Испании и агентурную работу на группу американских банкиров.

Сведения о данной махинации не принимают во внимание современными историками, хотя документы, подлинность которых засвидетельствована Библиотекой конгресса и другими источниками, доступны уже около тридцати лет.

Познавательны, что первые исследователи, сообщившие о данном источнике финансирования Маркса, были франкоязычными!

Замечательная история дружбы Карла Маркса с Жаном Лаффитом — пиратом, содействовавшим изданию «Манифеста Коммунистической партии», — описана в книге Жоржа Блонда «Histoire de la Filibuste». Как эти данные попали к Блонду?

В оригинале они содержатся в двух книгах, изданных частным образом Стэнли Клисби Артуром в Новом Орлеане. Книги называются «Жан Лаффит — господин Морской Разбойник» и «Дневник Жана Лаффита».

Они содержат оригиналы документов, описывающих встречи Маркса с Лаффитом, а также способ, выбранный для финансирования издания «Манифеста».

Если полистать современную «Британскую энциклопедию», то можно обнаружить, что Жан Лаффит скончался в 1823 г. и поэтому не мог встречаться с Марксом в 1847 и 1848 гг.

К несчастью, по данному вопросу «Британская энциклопедия» содержит недостоверные данные, как и во многих иных случаях. Лаффит ушёл в подполье около 1820 г. и прожил долгую и увлекательную жизнь тайного посылного американских банкиров и предпринимателей.

Подпольная и агентурная деятельности Лаффита отражены в его дневнике:

«Мы наняли четверых человек в качестве тайных сотрудников. Их обязанностью было подслушивать относящиеся к делу разговоры и доносить о них. Также они должны были устно сообщать о любых новых происшествиях. Мы полностью справлялись с тайными поручениями.

Мы имели только два корабля, зафрахтованных на основании неофициального соглашения с банковскими кругами Филадельфии. Мы решили дать клятву никогда не посещать таверны и не путешествовать одним и тем же маршрутом дважды, так же, как и никогда не возвращаться в Луизиану, Техас или Кубу, или в любую другую испаноговорящую область»³⁷.

В этом же дневнике мы находим следующую

³⁷ The Journal of Jean Laffite (The Pirate-Patriot's own story) (Vantage Press, New York, 1958) p. 126.

заметку от 24 апреля 1848 г.:

«Мои встречи были короткими, но плодотворными. В Париже я жил дома у господина Луи Бертильона и реже в гостиницах. Я встречал господ Мишеля Шевреля, Луи Брайля, Огюстена Тьерри, Алексиса Токвиля, Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Дагера и многих других»³⁸.

Далее Лаффит приводит нечто потрясающее:

«Никто не знал истинных причин моего пребывания в Европе. Я открыл счёт в парижском банке — кредит на хранение для финансирования двух молодых людей: господ Маркса и Энгельса. Им нужно было помочь в осуществлении революции рабочих во всём мире. Они сейчас над ней работают»³⁹.

Всё что и требовалось доказать. Жан Лаффит был доверенным лицом американских банковских кругов и получил указание оказать содействие в издании «Манифеста». В «Дневнике» читатель обнаружит и другие известные имена, такие, как Дюпон, Пибоди, Линкольн и так далее.

Будучи в Брюсселе, Жан Лаффит написал письмо своему другу художнику де Франку, проживавшему в городе Сент-Луисе штата Миссури. В нём он подробно изложил информацию о финансовой помощи, оказанной Марксу. Вот перевод письма от 29 сентября 1847 г.:

«Из Брюсселя я отбываю в Париж. Через три или четыре недели я прибуду в Амстердам, а оттуда возьму курс на Америку. Я предостаточно пообщался с господами Марксом и Энгельсом, хотя отказался принимать участие в конференциях по составлению манифеста. Я не хочу присоединяться к их дебатам.

Господин Энгельс собирается вместе со мной в Париж. Таким образом, я заблаговременно смогу подготовить календарный план по финансированию господ Маркса и Энгельса. Они смогут возобновить работу над рукописью «Капитала и труда».

С самого начала мне казалось, что двое молодых людей талантливы и наделены незаурядным умом. И я твёрдо в этом убеждён. Это подтверждается анализом статистики в открытии «La Categorie du Capital», стоимости, цены и прибыли.

Они вторглись в тёмный век безудержной эксплуатации человека человеком. Они показывают, что эксплуатация является корнем всего зла — от крепостного, этого феодального раба, до наёмного раба.

Понадобились многие годы, чтобы подготовить «Манифест для рабочих мира». На этом пути возникали продолжительные прения между двумя молодыми людьми и их сторонниками из Берлина, Амстердама, Парижа и даже из Шведской Республики.

Я прихожу в восторг, когда думаю о манифесте, а также других перспективах на будущее. Я помогаю этим двум молодым людям искренне. Я надеюсь, что их планы воплотятся в целостную док-

трину, которая сокрушит основы светских династий и предаст последние пожиранию низшими массами. И я молюсь на это.

Господин Маркс предупреждает меня, чтобы я не носился с манифестом по всей Америке, поскольку нечто подобное будет отдельно предназначено для Нью-Йорка. Но я надеюсь, что Джин и Гарри покажут манифест господину Джошуа Спиду, а тот, в свою очередь, — господину Линкольну.

Если бы представилась подобная возможность, думаю, ничего особенного не случилось. Одобрение манифеста в Вашингтоне было бы свидетельством того, что путь, по которому я следую, согласуется с политикой, проводимой ныне в Республике Техас.

Господин Маркс одобрил несколько моих текстов о коммунах, которые я был вынужден оставить некоторое время тому назад. В текстах соизмеряются правила и нормы, не обременённые строгим обоснованием. Своеобразная утопия, наивная и незамысловатая, без предисловия и содержания, без наглядных примеров. Со своими утопическими мечтаниями молодости, как я сегодня похож на этих двух молодых людей.

Пожертвование было сделано для того, чтобы сохранить великую рукопись и её содержание. Она написана не для властей, эксплуатирующих и подавляющих, а для того, чтобы остаться в вечности.

О! Я в смятении; я достиг соглашения по поводу злоупотреблений, имевших место во второй половине того года, когда дьявол был искоренен и полностью уничтожен. Я описал свою вторую коммуну, которую я вынужден был распустить и оставить 3 марта 1821 г. Тогда я принял решение отказаться от этой затеи, но не менять своих убеждений. Я больше не помогаю тем, кто противостоит моим взглядам.

Я должен закругляться. Я привезу несколько рукописей и манифест. Я надеюсь, что Джулз и Гленн успевают в школе. Я знаю, что их учителя мисс Винг и мисс Бургесс достаточно терпеливы. Гленн не так силён, как Джулз»⁴⁰.

Вторым источником финансирования Карла Маркса из Америки был редактор «Нью-Йорк Трибьюн» Чарльз Андерсон Дана. Газета принадлежала Хорасу Грили.

Оба, как Дана, так и Грили, были связаны с Клинтоном Рузвельтом и его манифестом, призывавшим к построению авторитарного государства (мы касались этой темы в третьей главе).

Дана привлёк Маркса к написанию статей для «Нью-Йорк Трибьюн». В промежутке с 1851 по 1861 гг. было опубликовано пятьсот работ Маркса.

В Германии основным источником финансирования Маркса являлся его коллега Фридрих Энгельс. Энгельс был сыном состоятельного хлопчатобумажного фабриканта из Бремена, субсидировавшего Маркса многие годы.

³⁸ Op. Cit. p. 132-33.

³⁹ Op. Cit. p. 132-33.

⁴⁰ From the translation in Stanley C. Arthur's Jean Lafite, Gentleman Rover (Harmanson, New Orleans, 1952) pp. 262 and 265.

Ещё более впечатляет факт финансирования Маркса со стороны прусской элиты. Карл Маркс женился на Женни фон Вестфален.

Брат Женни барон Фердинанд фон Вестфален был министром внутренних дел Пруссии, надзиравшим полицейский департамент. Как известно, Карл находился под «наблюдением» данного департамента.

Иными словами, шурин Маркса отвечал за расследование подрывной деятельности, в то время, как на протяжении многих лет семья фон Вестфаленов материально поддерживала Маркса. В течение сорока лет услуги служанки Маркса Демут оплачивались семьёй фон Вестфаленов. Более того, Демут была нанята лично баронессой Каролиной фон Вестфален.

Глава шестая. Авраам Линкольн бросает вызов банкирам

Авраам Линкольн был последним из плеяды старомодно-радикальных президентов, стоявших на позициях конфронтации с денежной монополией.

Придя к власти, Линкольн и его правительство столкнулись с тяжёлым бременем финансирования Гражданской войны в условиях нахождения денежно-кредитной системы в частных руках.

Во время Гражданской войны правительство Союза испытывало трудности, связанные с мобилизацией необходимых денежных сумм для содержания войск, наблюдался дефицит металлических денег, а частная банковская система не желала идти навстречу нуждам Армии Союза.

Линкольн придерживался традиции президентов Джефферсона и Джексона. Он выступал за сохранение права на эмиссию валюты у федерального правительства, а также отвергал возможность законной передачи данной привилегии частной монополии.

В 1862 г. Линкольн представил на рассмотрение в конгресс законопроект, позволявший банкнотам Соединённых Штатов стать законным платёжным средством и таким образом предоставить федеральному правительству право печатать бумажные деньги в количестве, необходимом для обеспечения военных действий.

По-видимому, Линкольн не предвидел инфляционный потенциал в расширении покупательной способности правительства. Его финансовая программа была нацелена на возмещение долгов и государственных расходов, а также на ограничение доступа частной денежной монополии к казне.

К сожалению, министр финансов Линкольна Самуэль Портленд Чейз был ставленником банковских кругов. Во время Гражданской войны Чейз поддерживал денежно-кредитную политику Линкольна, но позже он выступил в конгрессе с законодательной инициативой, отвечавшей интересам банковских кругов.

Подобным образом сенатор Джон Шерман, курировавший в Сенате принятие финансового законодательства, предоставил денежной монополии даже ещё большие полномочия (вдобавок к имев-

Два эссе из ранних работ Маркса в действительности были написаны в поместье фон Вестфаленов в Кройцнах. А средства от поместья были завещаны Марксу.

Одним словом, «Манифест» и иные работы Маркса были потребны, как американским банкирам, так и немецкой аристократии. Для каких целей элита финансировала Маркса?

Цель одна — всей мощью марксистской философской канонады обрушиться на средний класс и таким образом добиться господства элиты.

Марксизм — это средство для упрочения власти элитой. Он не ставит своей задачей облегчить страдания бедных или способствовать прогрессу человечества. Это всего лишь план элиты, как та утопия, «наивная и незамысловатая».

шимся) путём содействия прохождению закона о национальном банке.

Законопроект Линкольна о законном платёжном средстве слушался 25 февраля 1862 г. Он предполагал выпуск ста пятидесяти миллионов долларов в виде казначейских билетов Соединённых Штатов. Тогда министр финансов Чейз прокомментировал это следующим образом:

«Я испытываю отвращение от одной только мысли, что мы пустим в обращение что-либо кроме монеты, этого законного средства платежа. Но в данный момент, вследствие крупных затрат, вызванных войной, невозможно покрыть наши расходы одной только монетой. Назрела необходимость прибегнуть к выпуску банкнот Соединённых Штатов»⁴¹.

Сенатор от Огайо Джон Шерман отстаивал данный закон подобным же способом, исходя из соображения, что «с экономической точки зрения нет иного пути снабжения войск и удовлетворения справедливых требований».

Тем не менее, против данного законопроекта выступили банковские круги Нью-Йорка. А точка зрения сенатора Джона Шермана, как мы увидим далее, не отражала его истинного намерения.

(Подобная ситуация имела место в 1913 г., когда сенатор Оуэн и конгрессмен Глазе на деле изменили свою позицию относительно закона о Федеральной резервной системе, представленную до этого обществу в совершенно ином свете).

Идея о национальной валюте была подвергнута нападкам со стороны банковских кругов, поскольку право на эмиссию было бы отнято у этого финансового клана. Банкирские дома лишились бы статьи дохода в виде эффективного субститута денег⁴² (согласно Конституции, деньги — это золото и

⁴¹ Letter from Secretary of the Treasury Chase to Elbridge, G. Spaulding, January 29, 1862. Quoted in American Nation History Series, 1861-1863 by Hosmer, vol. 20, pg. 169.

⁴² Субститут денег, или квазиденьги (реже «почти-деньги») — активы, которые условно являются частью

серебро).

Банкиры добивались от правительства уступки права на эмиссию бумажных денег, то есть, ставили перед собой задачу действовать в качестве посредников Федерального правительства.

В таком случае правительство Соединённых Штатов выступало бы в качестве бессрочного заёмщика частной денежной монополии, получившей право ссужать государству от самого же государства. Следовательно, банковские круги, находясь под прицелом Конституции, вынуждены были поступать осмотрительно.

Предложением Клинтона Рузвельта (Банк Нью-Йорка) было ликвидировать Конституцию. Аналогию подобной постановке вопроса мы находим во второй половине XX века, когда руководство Трёхсторонней комиссии заявило, что Конституция устарела.

Кроме того, общественность сама по себе, не вникая в Конституцию, вряд ли бы согласилась на частную денежную монополию. Естественно, при условии, что общественность вовремя бы поставили в известность.

Со времени Джефферсона и до 1990-х гг. лобное публичное обсуждение проблемы частной денежной монополии немедленно подавляется. Нет ничего более опасного для господствующего класса, чем общественное разоблачение и огласка частнособственнической природы контроля над денежной массой.

В 1860-х гг. XIX столетия банкирские дома требовали от государства выпуска процентных облигаций. Данные облигации должны были использоваться, как основа для банковского кредита.

Пока Линкольн проталкивал свой законопроект, банкиры работали над проектом, воплотившимся в 1863 г. в закон о национальном банке.

Закон о национальном банке подразумевал передачу банкирским домам полномочий по выпуску бумажных денег. Данная монополия могла быть использована для извлечения прибыли, а в условиях военных действий, прибыль должна была быть более чем значительной.

Разногласие между Линкольном и финансовой элитой состояло в том, кому выпускать средство обмена (конвертируемые банкноты и необратимые кроссированные чеки) — частной монополии или государству.

Другими словами, вопрос заключался в том, кто кому должен подчиняться — государство банковской элите, либо банковская элита государству?

В последнем случае, при условии, что конгресс придерживается буквы закона, банковская элита зависит, в конечном счёте, от власти народа.

денежной массы. Действительно, из Конституции США вытекает, что банкноты и банковские депозиты можно рассматривать, как субститут денег, но в современной экономике ими являются недостаточно ликвидные активы, например срочные депозиты частного сектора. Стоит отметить, что пластиковые карточки и чеки не являются деньгами. — *Прим. перев.*

Двурушничество всех этих «известных» и «уважаемых» политиков ярко продемонстрировано в исключительном по содержанию письме сенатора Джона Шермана братьям Ротшильдам⁴³, проживавшим в Лондоне. Письмо датировано 25-м июня 1863 г. На Уолл-стрит о нём стало известно в этом же году.

Шерману подвернулась возможность угождением добиться расположения сильных мира сего. Он лично дал знать о своей идее представителям международных банкирских домов — идее, нашедшей прямое отражение в законе о национальном банке.

Далее мы воспроизводим текст письма братьев Ротшильдов (Лондон) Икклехеймеру, Мортону и Вандергульду (Уолл-стрит, Нью-Йорк).

Письмо подтверждает получение послания Шермана и передаёт его содержание. Банкиры с Уолл-стрит ответили братьям Ротшильдам 6 июля 1863 г. В своём письме они изложили подробности относительно закона о национальном банке и некоторые черты характера сенатора Джона Шермана.

«Лондон, 25 июня 1863 г.

Господам Икклехеймеру, Мортону и Вандергульду

№3, Уолл-стрит, Нью-Йорк, США

Уважаемые господа!

Господин Джон Шерман написал нам из городка в Огайо, США о прибыли, которую можно извлечь из деятельности национального банка в результате принятия вашим конгрессом нужного закона. Копия данного закона прилагается в нашем письме.

Данный закон был составлен на основе плана, сформулированного Ассоциацией банкиров Великобритании и рекомендованного ею же нашим американским друзьям. Если закон будет принят, он принесёт колоссальные прибыли банковскому братству по всему миру.

Господин Шерман сообщает, что в случае принятия закона, капиталистам впервые представится возможность сосредоточить в своих руках огромные ресурсы. Закон передаёт национальному банку практически полный контроль над внутренними финансами.

«Меньшинство, которое понимает суть данно-

⁴³ Финансовая династия Ротшильдов не является историческим реликтом. Банковское дело Натана в Лондоне и Джеймса в Париже процветает до сих пор. Династия владеет «Societe Financiere» в Париже и «Rothschild Bank» в Цюрихе, самым влиятельным частным банком в Лондоне и «Bank Brivee S.A.» в Женеве. После национализации крупнейшего ротшильдовского железнодорожного комплекса «Diu Nord», семейство получило в качестве компенсации крупный пакет французских государственных акций. В их руках крупнейший горнодобывающий комплекс «Le Nickel», а в нефтяном тресте «Shell» и в алмазном «De Beers» мощно представлены их интересы. Ротшильды создали «USA Rothschild group» с целью влиять на финансовую обстановку в США. — *Прим. перев.*

го строя, — пишет он, — либо будет настолько заинтересовано в доходах, либо настолько зависимо от своих покровителей, что не будет являться какой-либо угрозой. С другой стороны, подавляющая часть людей, неспособных понять своим умом, что капитал извлекает огромные прибыли из системы, будет молча нести свою ношу, даже не подозревая, что система безразлична к их нуждам».

Ваши навеки,
Братья Ротшильды»⁴⁴

«Нью-Йорк, 6 июля 1863 г.
Господам братьям Ротшильдам,
Лондон, Англия
Уважаемые господа!

Имеем честь подтвердить получение Вашего письма от 25 июня, в котором вы ссылаетесь на послание, полученное от почтенного Джона Шермана из Огайо, а также на те прибыли, которые сулят нам положения закона о национальном банке. Господин Шерман обладает чертами характера, в значительной степени свойственным преуспевающему финансисту. В каком бы расположении духа он ни был, он никогда не упустит возможности поживиться.

Он молод, расчётлив и честолюбив. Он нацелен на пост президента Соединённых Штатов и уже является членом конгресса (к тому же, он испытывает желание разбогатеть). Он справедливо полагает, что в состоянии заполучить многое, если будет связан дружескими отношениями с представителями крупных финансовых кругов. Последние временим неразборчивы в своих методах, касающихся, как получения содействия со стороны государства, так и защиты собственных интересов от посягательства недружественных законодателей.

Что касается организации национального банка, а также специфики и доходности подобного капиталовложения, то мы имеем честь отослать вас к нашим печатным циркулярам, приложенным здесь:

«Любое количество лиц в составе, не менее пяти человек, может организовать национальное объединение банков. Национальный банк не может обладать капиталом меньше миллиона долларов, за исключением банков, расположенных в городах с населением в шесть и менее тысяч человек.

Они являются частными акционерными обществами и учреждаются для частной выгоды. Самостоятельно подбирают служащих и рабочих. Они неподконтрольны законам штатов, кроме, как в случаях, обусловленных постановлениями конгресса. Они могут получать вклады и ссужать их, исходя из собственных интересов.

Они вправе покупать и продавать облигации, учитывать ценные бумаги и заниматься обычной банковской деятельностью. Для того чтобы национальный банк с капиталом в один миллион долла-

ров начал работать, необходимо на эквивалентную сумму (номинальную стоимость) приобрести государственные облигации Соединённых Штатов.

Государственные облигации Соединённых Штатов в данный момент могут быть приобретены со скидкой в 50%. Таким образом, для банка с капиталом в один миллион долларов потребуется вложение только пятисот тысяч долларов.

Данные облигации должны быть отданы на хранение в государственное казначейство Соединённых Штатов в Вашингтоне. Они будут выступать обеспечением валюты национального банка, предоставленным банку государством.

Правительство Соединённых Штатов будет выплачивать по облигациям шесть процентов золотом раз в полгода. Следовательно, прирост капиталовложения составит двенадцать процентов золотом в год.

В силу данного обеспечения (в виде депонированных казначеем облигаций), правительство Соединённых Штатов будет предоставлять банку, имеющему на своём хранении облигации, национальную валюту под годовую ставку всего лишь в один процент.

Деньги печатаются правительством Соединённых Штатов в форме, так называемых, «гринбеков». Люди не увидят никакой разницы, хотя «гринбек» — это ничем не обусловленное обещание банка заплатить⁴⁵.

Спрос на деньги так велик, что «гринбеки» могут быть без особого труда ссужены клиентам банка со скидкой в десять процентов на срок от тридцати до шестидесяти дней. Прирост по валюте составит порядка двенадцати процентов.

Проценты по облигациям, плюс проценты по валюте, обеспеченной облигациями, минус мелкие расходы на деятельность, должны в совокупности приносить от двадцати восьми до тридцати трёх процентов.

Национальные банки наделены исключительным правом привлекать валюту и увеличивать её объём. Кроме того, они могут предоставлять либо удерживать ссуды, исходя из целесообразности конкретного действия.

Поскольку банки будут иметь национальную организацию, то здесь они смогут выступать сплочённо. Это означает, что национальные банки, одновременно отказавшись предоставлять ссуды, вызовут напряжённость на денежном рынке, которая за одну неделю или даже за день перерастёт в со-

⁴⁵ Гринбеки (англ. greenbacks, букв. — зелёные спинки) — это бумажные деньги, не разменивающиеся на золото. Узаконены в 1862 г. Собственно, гринбеки — это и есть то, что сегодня именуется долларами США; субститут золотой и серебряной монеты в виде банковских билетов. По существу, банковский билет — это вексель, оплачиваемый по предъявлению или, другими словами, — переуступаемое (передаваемое из рук в руки) свидетельство задолженности банка в размере, равном стоимости банковского билета. Стоимость банковского билета определяется не номиналом, а его покупательной способностью. — *Прим. перев.*

⁴⁴ John R. Elson, *Lighting Over the Treasury Building* (or an expose of our banking and currency monstrosity, America's most reprehensible and un-American racket), (Boston: Meador Publishing CO., 1941), pp., 51-52.

крашение производства по всей стране.

Национальные банки не платят налоги ни по облигациям, ни по собственному капиталу, ни по вкладам».

Просим вас считать данный материал строго конфиденциальным.

С глубочайшим почтением,
Иккхеймер, Мортон и Вандергульд»⁴⁶.

Для представителей международных банковских домов было особенно важным то обстоятельство, что они смогли достичь своих целей при Линкольне.

Если бы Линкольн воплотил в Соединённых Штатах идею об общественном контроле над финансами, тогда другие народы воспрянули бы духом и стряхнули с себя власть своих финансистов.

Европейские банкиры, в особенности английские, объединились в борьбе против Линкольна. Посредством торговых каналов они принудили американские банки встать на их сторону.

Законопроект Линкольна о законном платёжном средстве подвергся в Вашингтоне острым нападкам со стороны банковского лобби. В итоге законопроект был настолько изменён поправками, что стал бесполезен.

Например, одна поправка гласила, что проценты по облигациям и банковским билетам — не более чем клочкам бумаги — должны были уплачиваться золотой монетой дважды в год. Всё это было бы смешно, если бы не было так грустно.

За разгромом законопроекта Линкольна последовал законопроект, позволявший частным банкам выпускать банкноты номиналом меньше пяти долларов в пределах округа Колумбия. Это был первый шаг к контролю над неразменными бумажными деньгами со стороны частных лиц.

23 июля 1862 г. Линкольн наложил вето на законопроект о частных банковских билетах. Он обосновал это тем, что средство обращения является прерогативой федерального правительства, и, что билеты Соединённых Штатов смогут в равной степени выполнять функцию мелких частных банкнот. Это был вызов со стороны Линкольна банковским кругам.

Линкольн любил иронизировать в присутствии банкиров. Однажды в Вашингтон прибыла делегация банкиров из Нью-Йорка для проведения переговоров по поводу законопроекта о законном платёжном средстве. Министр финансов представил делегацию следующим образом:

«Эти джентльмены прибыли из Нью-Йорка для проведения переговоров с министром финансов. Тема переговоров — наш очередной заем. Как банкиры, они обязаны хранить государственные ценные бумаги. Я ручаюсь за их патриотизм и благонадежность. Как сказано в священном писании, «где богатство, там и добродетель».

Линкольн ответил на это так:

«Есть ещё одно мерило, к которому я мог бы воззвать: «где падаль, там и стервятники»⁴⁷.

Схема Линкольна относительно национальной валюты шла вразрез с интересами международных банковских домов, которые в то время планировали привязать частные деньги Соединённых Штатов к золотому стандарту Банка Англии.

Позже в XX веке банки перешли на неразменные бумажные деньги, не обеспеченные золотом, но в середине XIX века система золотого и серебряного стандартов предоставляла куда больше возможностей для извлечения выгоды.

Предложение Линкольна сводилось к следующему. Не федеральное правительство должно занимать или печатать с помощью банков бумажные деньги, а банковские дома должны брать взаимы монету и золото у государственного казначейства.

При подобном положении вещей банки не смогли бы с помощью печатного станка создавать фиктивный капитал.

Закон о национальном банке был представлен народу Соединённых Штатов, как проект по мобилизации средств для ведения Гражданской войны, а так же, как средство достижения финансовой стабильности.

Согласно данному закону, любые пять лиц могли учредить банк с акционерным капиталом от пятидесяти и более тысяч долларов.

После депонирования в государственном казначействе процентных облигаций, равных по стоимости одной трети оплаченной части акционерного капитала, правительство должно было отпечатать сертификаты национального банка, от имени банка, исходя из суммы в девяносто процентов от номинальной стоимости эмитированных облигаций.

Данные сертификаты национального банка могли быть в дальнейшем использованы банком, как в стандартных операциях, так и для получения прибыли.

И это несмотря на то, что сертификаты представляли собой собственность банка. Более того, федеральное правительство выплачивало проценты золотой монетой и облигациями, депонированными в государственном казначействе.

Одним словом, банкиры извлекали двойную прибыль. Во-первых, это проценты по обеспеченным государством выпускам бумажных денег. Во-вторых, — проценты по облигациям, выплачиваемые золотом. Закон о национальном банке гарантировал прибыль всем, кто был занят в банковском деле.

Ещё раз дала о себе знать традиция президентов Джефферсона и Джексона. Она требовала, чтобы национальная банковская система добилась даже ещё большей централизации финансовых полномочий, чем в случае с Банком Соединённых Штатов — когда Джексон наложил вето на законопроект.

На этот раз финансовый клан оказался куда

⁴⁶ Op. cit. pp. 53-55.

⁴⁷ Op. cit. pp. 53-55.

организованной. В тяжёлое время Гражданской войны законопроект о национальном банке, перед тем, как быть одобренным, рассматривался в Сенате только три-четыре дня, а в Палате представителей

— только два дня.

Президент Линкольн утвердил закон 25 февраля 1863 г.

Глава седьмая. Денежный трест создаёт Федеральную Резервную Систему

Не хотели бы вы просматривать номера «Уолл-стрит Джорнал» за неделю до выхода?

Некоторые люди, действительно, обладают такой возможностью, не передвигая стрелки часов. Они не получают выпуски «Уолл-стрит Джорнал» по подписке. Они располагают информацией о политике Федеральной резервной системы, — какой она будет завтра, через неделю, через месяц и даже через год.

Время от времени руководство Федеральной резервной системы делает официальные заявления, предварительно согласовав их внутри своих кругов. Руководители собираются вместе, обсуждают, строят планы на будущее и после этого публикуют заявления.

Совещания всегда проходят тайно. О них известно только руководству Федеральной резервной системы. Тем не менее, если располагать сведениями, которые руководство собирается обнародовать, то можно без труда нажать состояние.

Поскольку председатель Федеральной резервной системы Алан Гринспен докладывает о денежно-кредитной политике, размере учётной ставки, а также размере ставки для первоклассных денежных обязательств.

Все эти показатели оказывают влияние на ставки по казначейским векселям, на рынки металлов, на фондовую биржу и на рынки недвижимости.

Федеральная резервная система — это частный банк, которым владеют банки. Поэтому заблаговременно располагают информацией только банковские круги.

Идея о создании Федеральной резервной системы зародилась на маленьком острове Джекиль в Атлантическом океане недалеко от округа Глинн штата Джорджия. Тогда в 1910 г. остров был частным клубом, где собирались крупные финансисты с Уолл-стрит.

В этом укромном уголке вдали от любопытных глаз общественности обсуждались проблемы особо важного характера. Именно на острове Джекиль представители финансовой элиты разработали план утверждения конгрессом частной денежной монополии.

Американское общество начала века отрицательно относилось к идее учреждения центрального банка и обычно противостояло любым попыткам предоставить большие полномочия кругам Уолл-стрит.

Тем не менее, учреждение центрального банка за пределами Европы сулило значительные прибыли любой финансовой группе, способной убедить конгресс принять соответствующее законодательство.

Кредитная система, основанная на выпуске

неразменных бумажных денег, подразумевала наличие властных полномочий, несоизмеримых с возможностями времён золотого и серебряного стандартов. Золото и серебро являлось смиренной рубашкой для финансовой системы.

Целью подпольного совещания на острове Джекиль было сформировать план по созданию центрального банка Соединённых Штатов под видом региональной банковской системы. (Региональная система — это как раз то, против чего публично выступали банкиры).

Данное сокрытие было настолько удачным, что Вудро Вильсон, согласно его личному секретарю Джозефу Тьюмалти, подписывая закон о Федеральной резервной системе, действительно полагал, что этим ликвидирует могущество финансовых кругов Уолл-стрит.

Будучи губернатором штата Нью-Джерси, в 1911 г. Вильсон заявил следующее:

«Крупнейшей монополией в этой стране является денежная монополия. Если она будет существовать и далее, то нам придётся расстаться с разнообразием наших свобод и поступательным развитием нашей нации. Великая индустриальная страна управляется собственной же кредитной системой.

Наша кредитная система крайне концентрирована. Таким образом, развитие нации и вся наша предприимчивость находятся в руках небольшой группы людей. Это наиболее значительная проблема из всех. Для её решения государственные мужи должны ревностно направить свои силы на сохранение будущности и истинных свобод граждан»⁴⁸.

По мнению Вильсона, Федеральная резервная система являлась «краеугольным камнем правительства демократов»⁴⁹. Скорее всего, когда Вильсон произносил эти слова, он был в здравом уме.

А что тогда происходит за кулисами этого «денежного треста» или этого «финансового клана», который мы именуем сегодня финансовой элитой, разбогатевшей на центральном банке?

Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, следует немного углубиться в историю. Давайте посмотрим на трест XIX века и на финансовую вершину этой пирамиды, так как тресты продолжали существовать и в начале XX века.

Между 1870 г. и началом Первой мировой войны американская промышленность находилась под влиянием клана финансистов — в основном представителей финансовых кругов Нью-Йорка.

«Трестификацию» американской промыш-

⁴⁸ Lois D. Brandeis, *Other People's Money; and How Bankers Use It*, (New York: Frederick A. Stokes Co.) p. 1.

⁴⁹ Joseph P. Tumulty, *Woodrow Wilson as I Knew Him* (New York: Doubleday, 1921).

ленности запечатлел в цифрах и фактах Джон Мууди — редактор авторитетного справочника «Moody's Manual of Corporation Securities»⁵⁰.

Он опубликовал на эту тему монументальный труд. Мууди был весьма чутким наблюдателем и как Клэронс Бэррон⁵¹ — другой тонкий любитель цифр и фактов — рассматривал трест в качестве полезного и неизбежного явления.

Критика промышленных трестов была широко распространена. В своей работе «Правда о трестах» Джон Мууди скрупулёзно показал, что под их распространяющимся влиянием оказались сталь, цветные металлы, нефть, табак, флот, сахар и железная дорога.

Здесь особо выделялись Дж.П. Морган, братья Рокфеллеры, Эдвард Гарриман, Джон Мак-Кормик, Генри Хавемейер и Томас Ф. Райан.

В истории похода «финансового клана» на центральный банк, выделяются два эпизода:

1) финансовая паника 1907 г., которую банкиры и их пособники использовали для обострения вопроса о необходимости учреждения национального банка. (То, что Уолл-стрит ускорил данный кризис, было доказано гораздо позже).

2) головокружительный взлёт немецкого банкира Пауля Варбурга и его миссионерское рвение в продвижении модели Рейхсбанка Германии для США.

В 1907 г. по-прежнему оставалось несколько капиталистов, желавших бросить вызов Уолл-стрит и оспорить первенство нью-йоркских воротил. Среди этих аутсайдеров значился медный магнат из Монтаны Фридрих Огастус Гейнзе, который был выбран ключевой мишенью во время паники 1907 г.

Свой капитал, нажитый на меди, Гейнзе переместил в Нью-Йорк. Там он присоединился к Морзе из «Айс трест». В то время Морзе главенствовал в Банке Северной Америки. Используя активы данного учреждения, Гейнзе и Морзе совместными усилиями взяли под контроль Национальный торговый банк.

Аналогичная участь постигла трест-компанию Никербокера — союзника Тростовой компании Америки и «Линкольн трест». Затем Гейнзе и Морзе зарегистрировали спекулятивное предприятие «Объединённая медная компания». Именно игры с ней на фондовой бирже ускорили кризис 1907 г.

Подконтрольные «денежному тресту» банки востребовали свои займы у «Объединённой медной компании» и организовали массовое изъятие вкладчиками депозитов из Национального торгового банка, принадлежавшего Гейнзе и Морзе. Сейчас в большинстве случаев признаётся, «что панику 1907 г. предопределила попытка избавиться от Гейнзе»⁵².

⁵⁰ John Moody, *The Trust About The Trusts* (New York: Moody Publishing Company, 1904).

⁵¹ Clarence W. Barren, *They Told Barren* (New York: Harper & Brothers, 1930).

⁵² Dictionary of American Biography, Frederick Heinze. «The Engineering and Mining Journal» commented, «This was the beginning of the panic of 1907».

В 1913 г. действия денежного треста и обстоятельства возникновения паники 1907 г. расследовались Комитетом Пуджо. Комитет отметил особую роль фирмы Дж.П. Моргана.

С 1900 по 1920 гг. денежный трест был фактически подконтролен банковской фирме Дж.П. Моргана. Сам Морган руководил трестом до своей смерти в 1913 г.

Его дело продолжили сын Дж.П. Морган-младший и «чёртова дюжина» из пятнадцати компаньонов, находившихся в тесном взаимодействии с Рокфеллером, Гарриманом и Куном Лебом. После длительного документированного расследования в 1912 г. Комитет Пуджо заключил, что «денежный трест» стал:

«Наибольшей опасностью за всю историю нашего государства, грозившей свободе конкуренции в промышленности. Опасность заключалась в концентрации кредитования в руках небольших финансовых групп путём контроля над банками и отраслями промышленности.

При господстве в финансовом секторе группы банкиров, их партнёров и пособников, свобода конкуренции невозможна. Все её преимущества сводятся на нет, будь то накопление капитала или реализация крупных выпусков облигаций.

Действия данной влиятельной группы, описанные здесь, оказали более пагубное воздействие на свободу конкуренции, нежели активность всех остальных трестов вместе взятых. Хотя там, где простирается влияние трестов, о базовых принципах конкуренции не может быть и речи. Если подобная ситуация будет иметь место и далее, то все попытки восстановить нормальные условия свободы конкуренции в промышленном сообществе будут тщетны»⁵³.

В общественной дискуссии по поводу ещё не существовавшей Федеральной резервной системы, финансовый крах 1907 г. сразу же был использован, как повод для возможного учреждения центрального банка Соединённых Штатов.

Федеральную резервную систему представили, как панацею от всех финансовых бед. Тем не менее, паника 1907 г. была преднамеренно организована брокерами компании «Стандард ойл» и фирмой Моргана.

Другими словами, одна и та же группа, имевшая виды на извлечение выгоды от учреждения центрального банка, организовала панику с целью убедить электорат в необходимости существования данного института.

В служебном отчёте конгресса от 1976 г. наглядно показано, каким образом эта частная монополия с 1913 г. удерживала на протяжении десятилетий свою власть. После списка имён руководителей, возглавлявших Федеральную резервную систему в середине 1970-х гг., даётся следующее заключение:

«В двух словах это можно описать так. По видимому, члены правления Федеральной резервной системы представляют собой небольшую эли-

⁵³ *The Story Of Our Money*, p. 187.

тарную группу, имеющую подавляющее влияние на экономическую жизнь нашего народа»⁵⁴.

Важно заметить, что Федеральная резервная система является частным акционерным обществом. В XIX веке денежному тресту была предоставлена законная монополия, в то время, как иные монополистические инициативы до сих пор подпадают под антитрестовский закон Шермана⁵⁵.

Федеральная резервная система — это монополия, а для сохранения статуса монополии она должна обладать политической властью.

Также заслуживает внимания то обстоятельство, что частнособственническая природа Федеральной резервной системы постоянно затушёвывается. А ведь это — очень важный аспект. Данная проблема должна обсуждаться всенародно — кто чем владеет, какие прибыли извлекаются из этой монополии.

Там, где в 1907 г. заседал Дж.П. Морган, в 1970-е гг. мы обнаруживаем Дейвида Рокфеллера, а сегодня — Алана Гринспена. «Уолл-стрит Журнал» в 1977 г. показала, как эти приспособленцы использовали конфиденциальную информацию в личных целях⁵⁶.

В 1907 г. одним из них был Дж.П. Морган, пригласивший для собеседования министра финансов. В 1980 г. Дейвид Рокфеллер вызывает к себе Генри Киссинджера.

Каким образом денежному тресту удалось учредить центральный банк и взять его под свой контроль в стране, где общественное мнение изначально было настроено против подобной инициативы? Судья Брандейс описывает данный процесс следующим образом:

«Развитие в наших условиях финансовой олигархии, с которой мы знакомы по истории политического деспотизма, — это узурпация, протекающая путём постепенного захвата, нежели насильственных действий; а также путём «продуманной и часто полностью скрытой концентрации».

Это те самые процессы, которые позволили императору Августу стать хозяином Рима. Создатели нашей Конституции подозревали о подобных опасностях для нашей политической свободы, раз имели осмотрительность предусмотреть разделение властей»⁵⁷.

Дж.П. Морган, контролировавший денежный трест, понимал все преимущества «скрытого» и «постепенного захвата». Он всенародно выступил против законопроекта о Федеральной резервной

системе, являясь, в то же время, одним из инициаторов его продвижения.

Компаньоны Моргана были тщательно подобраны и понимали суть происходящего. В обмен на абсолютную лояльность они получили гарантированную возможность разбогатеть за счёт политической и финансовой мощи монополии.

Пока Морган номинально оставался единственным главным компаньоном, он полностью удерживал власть внутри фирмы. Несколько компаньонов Моргана посвятили себя политике. Но большинство предпочитали действовать за сценой.

В период с 1900 по 1930 гг. четверо партнёров Моргана стали исключением из этого правила. Глядя на их деятельность сегодня, можно проследить за тем, как они использовали двуличность для достижения своих целей.

Этой четвёркой были — Э.П. Дейвисон, Дуайт Уитни Морроу, Эдвард Р. Стеттиниус и Джордж В. Перкинс.

В книге «Уолл-стрит и большевицкая революция» мы писали о том, что фирма Моргана направляла революцию так, чтобы озолотиться при любом исходе — кто бы ни пришёл к власти в России⁵⁸.

Партнёр Моргана Дейвисон между 1917 и 1919 гг. являлся главой Военного Совета Красного Креста. Он работал вместе с ещё одним союзником Моргана В. Бойдом Томпсоном, финансировавшим большевиков.

Дуайт Уитни Морроу использовал своё влияние для обеспечения большевиков оружием и дипломатическим прикрытием (его меморандум, касающийся данной проблемы, воспроизведён в книге «Уолл-стрит и большевистская революция»).

К слову, Томас Ламонт использовал свои связи в Лондоне для того, чтобы смягчить позицию Великобритании в отношении большевиков.

Кроме того, Морган и партнёры оказывали содействие белогвардейцам, сражавшимся с большевиками, и были замечены в поддержке интервенции в Сибирь.

Морроу оставил товарищество Моргана в 1920-х гг. и после года пребывания на посту председателя Совета по авиации получил должность посла США в Мексике (1927-1930 гг.). В 1931 г. он стал американским сенатором.

Стеттиниус в период Первой мировой войны заведовал всеми военными закупками для Соединённых Штатов, производившимися через подконтрольные Моргану фирмы.

Джордж Перкинс в 1912 г. организовал исполнительный комитет Прогрессивистской партии и позже стал его председателем. Прогрессивистская партия была необходима Моргану для того, чтобы расколоть Республиканскую партию и тем самым обеспечить Вудро Вильсону президентское кресло.

⁵⁴ U.S. Congress, House of Representatives, Committee on Banking, Currency and Housing. Federal Reserve Directors: A Study of Corporate and Banking Influence. August, 1976. (94th Congress, 2nd session). Washington, U.S. Government Printing Office, 1976.

⁵⁵ Закон Шермана был принят в 1890 г. в рамках антитрестовского законодательства США. Закон запретил монополистические объединения и тайные сговоры, ограничивающие свободу торговли. — *Прим. перев.*

⁵⁶ See Wall Street Journal, August 29, 1977.

⁵⁷ The Story Of Our Money, op. cit., pp. 188-89.

⁵⁸ Antony Sutton, Wall Street and the Bolshevik Revolution (New Rochelle, New York: Arlington House, 1974). See particularly pages 89-100 and the chapter, «J. P. Morgan gives a little help to the other side».

Дейвид Рокфеллер применил подобную стратегию в случае с Джоном Андерсоном на выборах 1980 г.

Основным инструментом Моргана для осуществления контроля над американскими финансами и промышленностью являлся избирательный трест. Это была горстка управляющих, состоявшая обычно из трёх человек, выбираемых лично Морганом.

В свою очередь, эта влиятельная группа, подчинявшаяся Моргану, подбирала руководителей банков и фирм.

Так в случае с «Гаранти траст» избирательный трест состоял из двух компаньонов Моргана — Томаса В. Ламонта и Уильяма Г. Портера, плюс президента подконтрольного Моргану Первого национального банка Джорджа Ф. Бейкера.

Данная группа назначала директоров «Гаранти траст», а те, в свою очередь, контролировали многочисленные фирмы, мелкие банки и финансовые учреждения.

К 1912 г. Морган подчинил себе банки Уолл-стрит, не говоря уже о «денежном тресте». Структура управления всем комплексом финансовых институтов Моргана была достаточно проста: она основывалась на принципе пирамиды.

Компаньоны Моргана приглашали руководителей для основных финансовых учреждений. Их лояльность к Моргану обеспечивалась предоставлением всех привилегий, вытекающих из высокого должностного положения.

В свою очередь компании, финансировавшие промышленность, железнодорожные тресты и иные объединения, подчинялись данным финансовым учреждениям. Во второй половине XIX и в самом начале XX веков эта система функционировала безотказно.

Вот, как представляли себе этот «денежный трест» Вудро Вильсон и «полковник» Хауз⁵⁹:

«Я считаю абсолютно верной реплику Вудро Вильсона о том, что из целого ряда трестов, «денежный» был наиболее пагубным. Несколько лиц и их сателлитов контролируют ведущие банки и трастовые компании Америки. Они также руководят ведущими корпорациями»⁶⁰.

Денежный трест был узаконен в 1913 г. под удобной и безобидной вывеской Федеральной резервной системы. Никто не должен был догадаться, что это частный центральный банк.

Историю создания Федеральной резервной системы можно разделить на три этапа:

⁵⁹ Хауз (House) Эдуард Манделл (1858-1938), ближайший советник президента США В. Вильсона, дипломат. Оказывал значительное влияние на формирование и осуществление внешней политики США. Участник разработки «Четырнадцати пунктов» и предложений о создании Лиги Наций. — *Прим. перев.*

⁶⁰ Colonel E. M. House to Senator Culbertson (July 26, 1911); Charles Seymour, *The Intimate Papers of Colonel House*, (Boston and New York: Houghton Mifflin Co., 1926-28), I. 159.

- тайное согласование плана организации Федеральной резервной системы;
- продвижение Вудро Вильсона на пост президента силами финансовой элиты;
- прохождение законопроекта о Федеральной резервной системе через конгресс.

Член Палаты представителей от штата Миннесота Линдберг — отец всемирно известного лётчика — в течение десяти лет своего пребывания в Палате представителей являлся одним из самых последовательных и ревностных критиков группы Моргана.

Считается, что он был единственным конгрессменом, кто прочёл все двадцать томов Денежно-кредитной комиссии Олдрича.

Настоящий водопад слов, низвергнувшийся на головы членов нижней палаты, вызвал подозрение среди мыслящих людей — подозрение в том, что народные избранники нарочно не осознают, чьи интересы им следует соблюдать.

Насчёт плана Олдрича по банковским операциям и валюте, Линдберг сказал следующее:

«План Олдрича по банковским операциям и валюте — это чудовищный проект по сосредоточению в одних руках всех финансовых ресурсов страны: как государственных, так и частных. Он подразумевает создание одного центрального объединения с пятнадцатью филиалами по всей стране. В объединение будут допускаться только крупные банки и трастовые компании.

Всем остальным не только откажут в членстве и запретят держать акции, но и посредством политических и финансовых рычагов будут диктовать свои условия — как следует вести дела. Перед этой мощью, сосредоточенной в контролируемых трестами и крупными финансистами банках больших городов, не устоит не только средний бизнес, но и политический аппарат»⁶¹.

Глава восьмая. Сговор на острове Джекиль

В 1910 г. на острове Джекиль собрались шестеро известных финансистов с Уолл-стрит с целью сформировать программу действий по организации центральной банковской системы в Соединённых Штатах. Федеральная резервная система появилась на свет в результате сговора.

С точки зрения закона, «сговор» можно охарактеризовать, как тайное соглашение, направленное на достижение неправомерной цели. Соглашение было тайным, в его принятии участвовали шестеро человек, и оно, как мы покажем далее, явилось неправомерным.

Заговорщиками были:

- Сенатор **Нельсон Олдрич**, тесть Джона Д. Рокфеллера-младшего.

⁶¹ Cited in *The Story of Our Money*, op. cit., p. 189.

- Немецкий банкир **Пауль Варбург** из Гамбурга (банкирский дом «М. М. Варбург») и Кун Леб из Соединенных Штатов.
- **Генри П. Дейвисон**, компаньон Дж. П. Моргана и председатель «Банкерз траст компани».
- **Бенджамин Стронг**, вице-президент «Бэнкерз траст».
- **Чарльз Д. Нортон**, президент Первого национального банка.

Последние три банка входили в группу Моргана. Варбург представлял интересы «Кун, Леб и К^о», а Олдрич — интересы Рокфеллера и брокеров «Стандард ойл». Доля Гарримана в «Гаранти траст», после его смерти, перешла к группе Моргана.

Эта шестёрка обладала огромной экономической властью и оказывала значительное влияние на политику.

Как это ни странно, тайное совещание на острове Джекиль было описано одним из его участников, правда, в весьма туманных выражениях:

«Несмотря на то, что я выступаю за прозрачность всех дел корпораций в нашем обществе, примерно в 1910 г. имело место событие, во время которого мне пришлось соблюдать тайну, как никому другому заговорщику. Правда, никто из его участников не считал себя таковым.

Напротив, мы ощущали, что задействованы в работе, важной для нашей страны. Мы пытались разработать механизм, который бы позволил упростить нашу банковскую систему, ослабленную последствиями паники 1907 г. Я не думаю, что следует недооценивать нашу тайную экспедицию на остров Джекиль, так как замысел, задуманный там, в конечном счёте, воплотился в то, что мы сегодня называем Федеральной резервной системой»⁶².

После паники 1907 г. все задачи свелись к убеждению общественности в «необходимости» учреждения центрального банка. Ключевой фигурой здесь выступил сенатор Нельсон Олдрич — состоятельный коммерсант, связанный с семьёй Рокфеллеров.

Олдрич был женат на дочери Джона Д. Рокфеллера-младшего, Эбби. Бывший вице-президент Нельсон Рокфеллер был прямым потомком этой ветви семьи Рокфеллеров.

После кризиса 1907 г. Нельсон Олдрич возглавил в Сенате Денежно-кредитную комиссию, которая изъездила всю Европу с целью исследования европейских центральных банков. Особенно комиссию заинтересовала модель немецкого Рейхсбанка.

Из этой командировки на казенный счёт явствует, что в конгрессе Олдрич был единственным экспертом по банковскому планированию. Лишь единицы замечали наличие тесной связи между Олдричем и банковскими кругами»⁶³.

Герберт Л. Саттерли приходился Моргану зятем и изнутри описал тесные взаимоотношения Олдрича с денежным трестом, а также причастность Олдрича к организации Федеральной резервной системы. Согласно Саттерли, Олдрич: «Обратился к Моргану за советом, и в течение последующих двух лет они должны были провести вместе многие часы, последовательно отработывая схему для банковского сообщества всей страны»⁶⁴.

И снова, согласно Саттерли, Дж.П. Морган «предоставил ему (Олдричу) Гарри Дейвисона (компаньона Моргана) для помощи в деталях». Партнёр Куна Леба Пауль М. Варбург также «оказался в распоряжении у сенатора Олдрича»⁶⁵.

Эта триада — Морган, Олдрич и Варбург — была призвана подготовить введение централизованной банковской системы в Соединённых Штатах.

Остальные «заговорщики с острова Джекиль» появились на сцене позже. Франк Вандерлип (которого мы уже цитировали) из Национального городского банка был связан родственными узами с семьёй Рокфеллеров.

Он присоединился к группе Моргана в начале 1910г. после того, как получил письмо от председателя правления Национального городского банка Стиллмана. Письмо касалось встречи Стиллмана и Олдрича в Европе по вопросу учреждения центрального банка.

Из этого письма мы узнаём, что заговорщики использовали код. Например, Олдрич числился под кодовым именем «Зивил». В своей книге Вандерлип утверждает следующее:

«Господин Стиллман писал, что без всякого подобострастия мне следует посвятить всё свое время и мысли скрупулёзному рассмотрению темы (т.е. финансового плана) и без единого намёка на Уолл-стрит составить законопроект для вновь избранного конгресса»⁶⁶.

Всего важнее для заговорщиков было сохранить абсолютную секретность. Если бы любое имя, ассоциируемое с Уолл-стрит, когда-либо было замечено в связи с законопроект о Федеральной резервной системе, то это был бы конец.

Для конспирации прибегали не только к кодовым именам. Чтобы проводить свои встречи и обсуждения, заговорщики удалялись на огромные расстояния с целью избежать общественного резонанса.

Не подлежит сомнению только одно — если бы в 1913 г. общество знало о тех фактах, которыми располагаем мы сегодня, то законопроект о Федеральной резервной системе не имел бы никаких шансов пройти через конгресс.

Что касается подозрений общественности в нахождении участников группы Моргана в близком

⁶² Frank A. Vanderlip, President, First National City Bank From Farm Boy to Financier (New York: Appleton, 1935), p. 210.

⁶³ Ferdinand Lundberg, America's 60 Families (New York: Vanguard Press, 1937).

⁶⁴ Herbert L. Satterlee, J. Pierpont Morgan: An Intimate Portrait (New York: Macmillan, 1939), p. 493.

⁶⁵ Herbert L. Satterlee, J. Pierpont Morgan: An Intimate Portrait (New York: Macmillan, 1939), p. 550.

⁶⁶ Frank Vanderlip, op.cit., p. 211.

родстве друг с другом, то дадим слово Вандерлипу. (Сами участники группы заверяли окружающих в «незаинтересованной беспристрастности»).

«Поверили бы в это избиратели? Думаю, именно так бы они и поступили. Всего лишь один слабый намёк. Сенатор Олдрич приходился тестем Джону Д. Рокфеллеру-младшему, да и сам по себе он был весьма обеспеченным человеком.

Однажды я написал письмо Вудро Вильсону в Принстон и пригласил его побеседовать за обедом. Желая произвести на него впечатление и придать событию важность, я сказал, что сенатор Олдрич также приглашён на обед.

Мой друг доктор Вильсон⁶⁷ изумился и ответил, что не сможет заставить себя найти общий язык с сенатором Олдричем. Вильсон действительно пришёл и выступил с речью. Правда, после того, как я доложил, что здоровье господина Олдрича не позволит ему составить нам компанию.

А теперь давайте немного пофантазируем. Представьте, какие газетные заголовки могли бы появиться, если бы стало известно, что Олдрич совещался по поводу ещё не принятого финансового законодательства с компаньоном Моргана (допустим, Дейвисоном) и президентом крупнейшего банка (допустим, Вандерлипом)⁶⁸.

Одним из директоров Национального городского банка, основанного Стиллманом, был Кливленд Додж — влиятельная персона и финансовый «мотор» за спиной Вудро Вильсона. Следует не выпустить это обстоятельство из виду.

Вудро Вильсон, которому предстояло утвердить закон о Федеральной резервной системе, был, без сомнения, ставленником финансовой элиты. Его кандидатуру одобрили весной 1912 г. во время неформальной встречи в поместье Вандерлипа Бичвуд в Скарборо на реке Гудзон.

Согласно одному обозревателю, Вильсон прошёл испытание, поскольку Вандерлип и Уильям Рокфеллер обсуждали роль американского капитала за границей в его присутствии⁶⁹. Подробнее мы опишем это обстоятельство позже.

Центральной фигурой в создании Федеральной резервной системы был вовсе не американский, а немецкий банкир — Пауль Мориц Варбург. Он родился в 1868 г. в Гамбурге в семье Оппенгеймов. Отец Варбурга имел долю в банкирском доме «М.М. Варбург», основанном в 1798 г.

Начало карьеры Варбурга связано с «Самуэль Монтагу и К°» (Лондон) и «Banque Russe Pour Le Commerce Etranger» (Париж). В 1891 г. Варбург стал работать в семейном банке и вошёл в долю в 1895 г.

В 1902 г. он прибыл в Соединённые Штаты в

⁶⁷ Преподаватель женского колледжа Брин-Мор (штат Пенсильвания) Вудро Вильсон получил в 1886 степень доктора философии за книгу «Правление конгресса» (1885). — *Прим. перев.*

⁶⁸ Frank Vanderlip, op.cit., p. 212.

⁶⁹ John K Winkler, The First Billion, (New York: Vanguard Press, 1934), pp. 209-211.

качестве партнёра Куна Леба и, невзирая на несовершенный английский, развернул кампанию за организацию Федеральной резервной системы.

План по учреждению центрального банка можно обнаружить в двух его брошюрах — «Недостатки и беды нашей банковской системы с 1907 г.» и «Проект модифицированного центрального банка» (1907 г.).

В основу структуры Федеральной резервной системы был положен проект, который Варбург в 1910 г. предложил для Объединённого резервного банка.

Все эти люди тайно собрались на острове Джекиль с целью наметить очертания будущего закона о Федеральной резервной системе.

Тайное совещание на острове Джекиль увековечил Франк Вандерлип:

«Было бы весьма опасным для Олдрича, если бы стало известно, что сенатор обращался к кому-либо с Уолл-стрит за содействием в подготовке доклада и законопроекта. Поэтому были предприняты меры предосторожности, которые порадовали бы сердце самого Джеймса Стиллмана.

Нам было приказано забыть о фамилиях и не обедать вместе в канун нашего отбытия. Мы обязались явиться в назначенное время на железнодорожную станцию у побережья Гудзона в Нью-Джерси, а также прибывать по одиночке и как можно незаметней. У станции нас должен был ждать личный автомобиль сенатора Олдрича, прикрепленный к последнему вагону поезда на юг.

Когда я подошёл к тому автомобилю, шторы были опущены, и только слабые проблески желтого света обнаруживали форму окон. Оказавшись внутри, мы принялись соблюдать оговоренное табу, наложенное на наши фамилии, и обращались друг к другу по именам — «Бен», «Пауль», «Нельсон» и «Эйб».

Мы с Дейвисоном решили прибегнуть к ещё большей конспирации и отказались от личных имён. Исходя из того, что мы всегда правы, Дейвисон стал Уилбером, а я — Орвиллом. Так звали братьев Райт — пионеров авиации⁷⁰.

Обслуживающий персонал и кондукторская бригада могли узнать одного или двух из нас, но только не всех. В противном случае, о нашей таинственной поездке стало бы известно в Вашингтоне, на Уолл-стрит и даже в Лондоне.

Конечно же, мы понимали, что разоблачение невозможно, но случись оно, все наши усилия оказались бы напрасными, а время потрачено впустую. Если бы общественности дали знать, что мы собрались вместе и написали банковский законопроект, то этот законопроект не прошёл бы через конгресс⁷¹.

В последнем изречении Вандерлип с выигранным оттенком непосредственного участника событий показывает, что это был спланированный

⁷⁰ Игра слов: right (правый) и Wright (Райт) — *Прим. перев.*

⁷¹ Frank Vanderlip, op.cit., p.213.

заговор. Американское общество никогда бы не передало небольшой группе людей монополию на предложение денег.

В конце концов, антитрестовский закон Шермана классифицировал монополию, ограничивающую свободу торговли, как незаконную. И денежную монополию здесь никто не ждал с распростёртыми объятиями.

Для того чтобы избежать общественного резонанса, эти банкиры под покровом ночи пробрались тайком на далёкий остров, используя кодовые имена и изменение внешности!

Далее Вандерлип описывает изнутри тайное совещание, а также сообщает о том, что, так называемый, доклад Олдрича и законопроект, представленный в Сенате, в действительности были написаны им самим и Стронгом.

Но самым примечательным было следующее обстоятельство: Вандерлип был до конца уверен в том, что банкиры действовали не в личных, а в исключительно государственных интересах.

Одним словом, эта группа заговорщиков предложила заменить монетный двор частной бумажной фабрикой. Что и было осуществлено в 1913 г. Одно не укладывается в голове — как всё это могло быть представлено в виде поступка, проникнутого духом патриотизма и гражданственности?

«С материка на остров Джекиль мы добрались на лодке. В течение недели или десяти дней мы были полностью изолированы от внешнего мира, не пользовались телефоном и телеграфом.

Мы спрятались на заброшенном острове. Там было много цветной прислуги, но они не имели никакого представления о том, кто такой Бен или Пауль, или Нельсон; не говоря уже о Вандерлипе или Дейвисоне, или Эндрю. Все эти имена им ни о чём не говорили.

Там мы работали в здании клуба. На север мы вернулись так же незаметно, как и прибыли на юг. Мы договорились, что Олдрич представит в Сенате законопроект, подготовленный нами. Общественности он стал известен, как план Олдрича. Олдрич и Эндрю остались в Вашингтоне, а Варбург, Дейвисон, Стронг и я вернулись в Нью-Йорк.

Конгресс без пяти минут заседал. Но в субботу в Нью-Йорк пришло известие о том, что сенатор Олдрич болен, причём, болен настолько, что не в состоянии составить более или менее приемлемый документ, которым можно было сопроводить законопроект.

Мы с Беном Стронгом немедленно выехали в Вашингтон, где совместными усилиями подготовили доклад. Если бы тогда об этом стало широко известно, то наше произведение заклеямили бы, как крючкотворство Уолл-стрит, хотя, конечно же, это было не так.

Олдрич никогда не был холуём, так называемых, финансовых кругов. Он был добросовестным человеком, движимым заботой об интересах общества. Он обратился к четверым из нас — людям с Уолл-стрит — поскольку знал, что мы на протяжении многих лет изучали аспекты той проблемы, с которой он столкнулся, и решить которую было его

гражданским долгом».

План Олдрича, написанный Вандерлипом и Стронгом, не прошёл через конгресс. На нём поставили крест. Недомогающий сенатор Олдрич ушёл на пенсию, и денежный трест был вынужден искать новые пути для достижения своих целей.

Кливленд Додж — один из директоров Национального городского банка, — а также Мак-Кормик из «Харвестер траст» были соучениками Вудро Вильсона (1879, Принстон). В 1902 г. не без помощи Кливленда Доджа Вудро Вильсон стал президентом Принстонского университета. Через некоторое время Додж дал знать Вильсону, что Уолл-стрит рассматривает его в качестве «кандидата на пост президента».

В декабре 1906 польщённый Вильсон написал журналисту Джорджу Гарвею для того, чтобы узнать о тех «влиятельных лицах, которые рассматривают его в качестве кандидата на пост президента».

В своём ответе Гарвей «привёл имена нескольких влиятельных банкиров, вспомогательных администраторов и консервативных журналистов»⁷².

Вильсон, несмотря на свою репутацию неуверенного в себе, глуповатого профессора, один урок всё же усвоил наизусть: для того, чтобы добиваться успеха, нужно постоянно с кем-либо соглашаться.

В марте 1907 г. Джордж Гарвей представил Вильсона Томасу Форчуну Райану — члену медного треста и известному финансисту. После этой встречи Вильсон отправил краткое письмо представителям влиятельных кругов Уолл-стрит с изложением научного обоснования в пользу трестов. К слову, в публичных выступлениях Вильсон высказывался совершенно по-другому.

Эта кучка интриганов с Уолл-стрит, при поддержке политических заправил Нью-Джерси, помогала Вудро Вильсону стать в ноябре 1910 г. губернатором штата Нью-Джерси.

В течение нескольких месяцев Кливленд Додж открыл банковский счёт в Нью-Йорке и снял офис на Бродвее, 42. С этого эпизода началась кампания по продвижению Вильсона на пост президента США. Первый вклад на банковский счет в размере одной тысячи долларов сделал Кливленд Додж.

Сорок тысяч подписчиков по всей стране получали раз в неделю двухстраничный рекламный материал «Истинный американец из Трентона, Нью-Джерси». Рассылку по почте финансировал также Кливленд Додж.

На две трети президентскую кампанию Вильсона профинансировали семеро человек, связанных с Уолл-стрит и всё теми же трестами, которые Вильсон публично продолжал осуждать. Предвыборные лозунги Вильсона представляли его, как кандидата, выступающего за мир, а также против трестов и монополий⁷³.

⁷² Ray Baker, Woodrow Wilson: Life and Letters (New York, Doubleday, Page & Co., 1927-39) vol. 3, p. 365.

⁷³ Louise Overacker, Money in Elections (New York: Macmillan, 1932).

- Кливленд Г. Додж (директор Национального городского банка) — \$51 300.
- Генри Моргентау (финансист) — \$20 000.
- Сайрес Г. Мак-Кормик («Харвестер трест») — \$12 500.
- Абрам И. Элкус (юрист с Уолл-стрит) — \$12 500.
- Фредерик К. Пенфилд (недвижимость Филадельфии) — \$12 000.
- Уильям Ф. Мак-Комз — \$11 000.
- Чарльз Р. Крейн («Крейн и К^о», Чикаго) — \$10 000.

Когда Вильсона выдвинули кандидатом в президенты, он не преминул написать «дорогому Кливу» (Доджу) для того, чтобы выразить своё торжество: «я не могу поверить своему счастью!»⁷⁴.

Речь с выражением согласия баллотироваться в президенты была написана для Вильсона на борту «Короны» — яхты Доджа — в период выработки стратегии на предстоявшие выборы⁷⁵.

Одним словом, Вильсон полностью зависел от денежного треста. Вильсон просто блефовал, когда обрушивался на тресты и Уолл-стрит. Попросту говоря, он изменил демократической традиции президентов Джефферсона и Джексона.

В итоге Вильсона избрали в президенты. Не успели ещё подсчитать голоса, как влиятельные круги Уолл-стрит спешно принялись готовить проведение «финансовой реформы».

К началу декабря 1912 г. «полковник» Хауз успел переговорить с ключевыми фигурами конгресса — с целью склонить их на сторону Вильсона. Во время телефонного разговора Пауля Варбурга с Хаузом 12 декабря 1912 г., «полковник» подтвердил, что план готов.

Дополним Хауза, прибегнув к его же мемуарам: «Что касается данного вопроса, то я был уверен, что новоизбранный президент является здравомыслящим человеком»⁷⁶.

В марте Франк Вандерлип провёл консультации с Хаузом, и через две недели группа банкиров прибыла в Белый дом с отпечатанным проектом по реформированию денежной системы. Вильсон должен был представить его в конгрессе.

Но, по мнению Хауза, было бы глупо размахивать в Палате представителей напечатанным в типографии законопроектом. В связи с этим, закон о Федеральной резервной системе вернули на Уолл-стрит, где на печатной машинке была сделана его копия⁷⁷. Оставалось только протащить законопроект через конгресс.

Глава девятая. Денежный трест манипулирует конгрессом

Закон о Федеральной резервной системе полностью противоречит Конституции. Его принятие конгрессом в декабре 1913 г. следует считать одной из наиболее бесчестных фальсификаций за всю историю США.

Трудно представить себе любое другое постановление государственной власти, которое влекло за собой подобные последствия, а также незаконно передавало подобные полномочия небольшому кругу заговорщиков.

Это резкие слова. Но читатель сможет сформировать своё собственное мнение, ознакомившись с данной главой, описывающей практически час за часом принятие закона и утверждение его президентом Вильсоном.

Закон о Федеральной резервной системе делегировал полномочия по контролю над денежной массой целого государства привилегированной группе частных лиц — лишив при этом данных полномочий конгресс.

Неразменные бумажные деньги заменили золото и серебро. Финансисты с Уолл-стрит получили возможность выпускать в обращение неограниченную массу неразменных денег.

Как сказал сенатор Таунсенд: «данный законопроект не был связан ни с одной из политических платформ. Просто люди не высказали в нужное время своего мнения»⁷⁸.

Зато своё мнение высказало влиятельное лобби, обступившее законопроект со всех сторон. Более того, в наши дни лоббисты бросаются с кулаками на любое предложение упразднить Федеральную резервную систему или расследовать её деятельность.

В 1913 г. на руководство Демократической партии со стороны Вудро Вильсона и банковских кругов Нью-Йорка было оказано беспрецедентное давление. Вильсон хотел быть уверенным в том, что оппозиция не видоизменит законопроект и позволит нужным кругам стать акционерами.

Сенатор от штата Небраска Гилберт Майнелл Хичкок являлся независимым во взглядах джентльменом, а также издателем Omaha World Herald. Его возмущения в Сенате по поводу принятого в нижней палате законопроекта являются для нас ценным свидетельством.

Хичкок: «Как только этот “священный манускрипт” поступил из Палаты представителей, нам, как я уже говорил, запретили ставить в нём хотя бы одну пропущенную точку или запятую».

Оуэн: «Кто запретил?».

Хичкок: «Нам приказали принять его без слушания и тщательного рассмотрения».

Померин: «Господин президент, я достаточно давно нахожусь в этой обители, в которой разбираются “священные манускрипты”, и я не слышал, чтобы кто-нибудь запрещал кому-либо изменять

⁷⁴ Ray Baker, Louise Overacker, Money in Elections (New York: Macmillan, 1932).

⁷⁵ Op cit. p. 372.

⁷⁶ Charles Seymour, The Intimate Papers of Colonel House (Boston, New York: Houghton Mifflin Co., 1926-28), vol. I, p. 161.

⁷⁷ Seymour, op cit. p. 161.

⁷⁸ Congressional Record: Senate, February 8, 1915.

свои взгляды или подвергать критике любой законопроект, поступивший из Палаты представителей, или рассматриваемый здесь. Каждый имеет право изменить свою точку зрения. И сенатор Хичкок сам не раз пользовался этим правом. Я говорю это не с целью подорвать доверие к сенатору, а просто ради того, чтобы показать, что он всё это время беспрепятственно философствовал».

Хичкок: «Господин президент».

Оуэн: «Сенатор от штата Небраска так и не разъяснил, кто же ему запретил расставлять пропущенные точки и запятые. И я был бы рад, если бы сенатор раскрыл эти ценные сведения. Но пока что они остаются личным откровением сенатора».

Хичкок: «Думаю, я предоставлю эту возможность народу. Готов биться об заклад, что он сам сделает выводы».

Оуэн: «Если сенатор довольствуется одной лишь инсинуацией, то это — право сенатора».

Хичкок: «Я воспользуюсь этим правом»⁷⁹.

В нижней палате план Моргана по созданию центрального банка получил название законопроекта Гласса. 18 сентября 1913 г. он был принят Палатой представителей со значительным перевесом голосов: двести восемьдесят семь конгрессменов проголосовали за, восемьдесят пять — против.

Большинство конгрессменов не имели никакого представления о содержании законопроекта. Никаких поправок в законопроект внесено не было. Сенаторы голосовали либо за, либо против. Более того, чтобы проголосовать против законопроекта, нужна была недюжинная смелость.

Законопроект был назван в честь конгрессмена от Виргинии Картера Гласса (1858-1946) — банкира и директора «Юнайтед лоун энд траст» и Трастовой компании Виргинии.

В Сенате законопроект — после прохождения через нижнюю палату — был назван по фамилии сенатора от штата Оклахома Роберта Л. Оуэна (1856-1947). Оуэн являлся председателем сенатского комитета по финансам, а также банкиром (крупным акционером Первого национального банка Маскоги).

Сенату потребовалось ровно четыре с половиной часа для того, чтобы обсудить и одобрить законопроект Оуэна. Сорок три сенатора проголосовали за, двадцать пять — против.

Республиканцы даже не ознакомились с докладом, сопровождавшим законопроект. Он был пересказан с трибуны. Никому из членов Сената не предоставили возможность ознакомиться с содержанием законопроекта Оуэна, и некоторые сенаторы даже заявили об этом публично.

В тот же день в 6:02 по полудни законопроект о Федеральной резервной системе, без всякого обсуждения, был спешно одобрен Сенатом. Вудро Вильсон утвердил закон в этом же году.

Обстоятельное рассмотрение сенатских дебатов показывает, что сенаторы не располагали подробностями, а все их обвинения остались без ответа.

Сенатор от Республиканской партии Бристоу (1861-1944) высказал несколько горьких слов по поводу очевидного злоупотребления положением со стороны членов конгресса:

«Я утверждаю, что данный законопроект был подготовлен в интересах банков; что сенатор от Оклахомы, как председатель комитета по финансам, открыто действует в интересах банков; что прибыли, которые извлекут банки в результате принятия законопроекта, пополнят и личное состояние сенатора».

Сенатор выступил за увеличение размера дивидендов по акциям региональных банков с пяти до шести процентов, которые будут выплачиваться банкам-членам Федеральной резервной системы.

Он выступил против того, чтобы народ имел возможность держать акции региональных банков и настоял на том, чтобы акциями владели только банки, входящие в Федеральную резервную систему.

Сенатор выступил против предоставления государству права контролировать региональные банки — в угоду тем, кто их контролирует сейчас. И пусть сенатор скажет сам, нарушил ли он базовый принцип Наставления Джефферсона»⁸⁰.

В понедельник 15 декабря 1913 г. сенатские дебаты (без обсуждения доклада, сопровождающего законопроект, они не представляли какую-либо ценность) переросли в испытание сенаторов на политическую прочность.

Оно проходило в форме голосования по поправкам, предложенным сенатором Хичкоком — единственным демократом, выступившим против законопроекта. В итоге, сорок сенаторов высказались за то, чтобы отложить поправки Хичкока в долгий ящик, и только тридцать пять проголосовали положительно.

Хичкок предлагал сделать Федеральную резервную систему не частной, а государственной монополией. Таким образом, правом эмитировать валюту обладало бы министерство финансов, а не денежный трест.

Примечательно, что при любом раскладе сил Сенат отказался бы предоставить контроль над денежной массой государственному казначейству и предпочёл бы передать данную привилегию фирме Моргана. Всё дело в том, что здесь удачно поработал «полковник» Хауз.

Перечитав эти растянувшиеся бессвязные дебаты, можно найти только слабые намёки в речах сенаторов на ценовую инфляцию. В отсутствии хождения золота и серебра, давление ничем не сдерживаемой массы неизменных бумажных денег привело бы именно к ней.

Данный довод был бы здравым суждением, ведь единственный аргумент, выдвигавшийся против него, был весьма неубедительным: «банкиры — здравомыслящие люди, и они не допустят инфляции».

Обратите внимание на выражение «ценовая инфляция». В 1913 г. термин «инфляция» соотно-

⁷⁹ Op. cit.

⁸⁰ Op. cit.

сился исключительно с «денежной инфляцией» — инфляцией, связанной с чрезмерной эмиссией наличных денег.

За прошедшие десятилетия значение термина «инфляция» полностью изменилось. Сегодня оно всегда соотносится с «ценовой инфляцией», то есть инфляцией, связанной с ростом цен⁸¹.

Сенатор Рут был тем самым человеком, который предупреждал верхнюю палату о тех нежелательных последствиях, которые повлечёт за собой принятие закона о Федеральной резервной системе — то есть, об инфляции («денежной инфляции»).

Но в исполнении Рута всё это звучало неправдоподобно, более того, напоминало провокацию: Рут подвергал нападкам Брайана — человека, выступавшего за серебряное обеспечение.

Как результат, Рут, невзирая на то, что он действительно предупреждал о «денежной инфляции» и финансовой панике, впоследствии выступил в защиту законопроекта Гласса-Оуэна. Рут обосновал это тем, что инфляции не будет, «если только здравомыслящие финансисты, управляющие банками, не вызовут её».

В очередной раз мы наблюдаем за тем, как финансовый клан направляет деятельность оппозиции. Карманная оппозиция обнаружит обвинения, которые с лёгкостью могут быть парированы, в то время, как убедительной критике не дают просвета.

В наше время неопровержимая связь между «денежной» и «ценовой» инфляциями утоплена в бездне научного двойного стандарта и алгебраической манипуляции. Современные экономисты настолько пристрастились к математической манипуляции (под надуманным предлогом скрупулёзности), что они полностью пренебрегают основными экономическими аксиомами.

За немногим исключением (Хиллсдейл-колледж, Институт Людвига фон Мизеса в Обернском университете), экономические кафедры — не более, чем пешки современного денежного треста, или Федеральной резервной системы.

(Автор сам учился в 1960-х гг. в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и может свидетельствовать о полном невежестве, с которым ему пришлось столкнуться на экономическом факультете).

В своём ответе Риду сенатор Хичкок указал на то, что в результате принятия законопроекта «контроль над валютной системой страны будет передан банкирам».

Но никто не придавал этим словам никакого значения, по причине, сформулированной сенатором Виксом: «в Соединённых Штатах наиболее компетентные банкиры в мире». Правда, Викс забыл упомянуть о том, что он сам являлся банкиром.

⁸¹ Автор описывает два антагонизма, известных в современной экономической теории, как инфляция спроса («денежная инфляция») и инфляция издержек («ценовая инфляция»). Для экономики России характерна инфляция издержек, вызванная активностью т.н. «естественных монополий». — *Прим. перев.*

Последнюю речь в этот понедельник взял ведущий оратор республиканцев — конгрессмен от штата Иллинойс Манн. Он сделал несколько странное заявление о том, что Соединённые Штаты находятся в разгаре финансово-промышленной паники и поэтому следует срочно принимать закон о Федеральной резервной системе.

Вторник 16 декабря 1913 г.

В этот день сенатор Рут снова акцентировал внимание на угрозе инфляции, скрывающейся за принятием рассматриваемого законопроекта.

Постоянные вмешательства в выступление (согласно «Нью-Йорк Таймс» от 17 декабря) наводят на мысль, что сторонники законопроекта не скрывали своего беспокойства. Они утверждали, что инфляция невозможна при условии, что выпускаемые ценные бумаги будут правительственными бумагами, пользующимися хорошим спросом. На это Рут ответил так:

«Замечание ни к селу, ни к городу и не имеет никакого отношения к моей критике законопроекта. Моё возражение заключается в том, что законопроект допускает значительную инфляцию, и с тем же успехом инфляции можно добиться путём предоставления займов в виде правительственных бумаг, как пользующихся спросом, так и нет».

Особо Рут выделил следующее:

«Никто не отрицает, что в прошлом великие торговые цивилизации время от времени неожиданно захлестывала волна оптимизма. Доступность дешёвых денег подводила их к черте наиболее губительного и опасного упадка».

Рут упрочил своё высказывание о «волне оптимизма» следующим доводом:

«Здравый смысл оказывается парализованным сиюминутным оптимизмом. Он становится всё менее действенным в оценке причин роста торговли, поскольку рост всё продолжается и продолжается».

Конец спору положил сам Рут:

«Вместо того чтобы выполнять наш долг носителей законодательной власти Соединённых Штатов, мы уклоняемся от данного долга и вверяем его второстепенным посредникам правительства».

К сожалению, Рут не развил свой аргумент до конца. Он не уточнил, что, как он выразился, «второстепенные посредники правительства», — это частная денежная монополия национальных банковских домов.

Обычной реакцией на предостережения об инфляции была констатация наличия резервного покрытия золотом (денежной массы) — предположительно в тридцать три процента.

Например, в ответ на обоснованные опасения Рута сенатор от Миссисипи Уильямс сделал претензионное заявление о том, что чрезмерная инфляция характеризуется «минимальной математической вероятностью». Но почему?

Потому, что сенатор Уильямс твёрдо был уверен в том, что «ни один президент, находясь в здравом уме, не назначил бы в совет человека, являющегося сторонником неразменных денег».

Спустя семьдесят лет, вопреки сенатору

Уильямсу, каждый первый член Совета Федеральной резервной системы и её региональных банков является ревностным поборником неразменных денег и противником золота!

В эпоху Вильсона было невозможно представить себе, что от данной функции золота когда-либо окончательно откажутся. В эпоху Клинтона политическим деятелям запрещено даже думать о том, что золото имеет какую-либо функцию вообще.

Среда 17 декабря 1913 г.

В среду беспрецедентное давление на Сенат со стороны неофициальных кругов стало более чем очевидным. Белый дом объявил, что законопроект желательно принять до субботы, что в него не должны быть внесены какие-либо поправки, и что он должен быть подписан президентом не позднее Рождества.

Спешно принятый план мероприятий был вызван активностью Рута в Сенате — его предупреждения об инфляции ударяли по весьма чувствительным местам и в итоге возымели действие. Вечером во время обеденного перерыва было созвано партийное собрание демократов, с целью обсудить два предложения Рута. Предложения сводились к следующему:

– выпуск банкнот должен быть ограничен законодательно;

– резервное покрытие золотом следует увеличить до пятидесяти процентов и ввести высокий налог на «истощение запасов», то есть, снижение данного уровня.

После обсуждения, поправка об ограничении выпуска банкнот была отклонена. Но частично было одобрено второе предложение Рута: на партийном собрании было решено увеличить резервное покрытие золотом до сорока процентов.

В то же время собрание потребовало не включать часть прибылей региональных резервных банков в золотой запас. Знаменательно, что большинство членов Демократической партии отдавали себе отчёт в необходимости сохранения золотого покрытия.

Тогда в 1913 г. стремление отменить или ограничить золотое содержание являлось вовсе не инициативой конгресса.

Одним словом, характерная для наших дней попытка демонетизировать золото путём постепенного его изъятия из денежно-кредитной системы была не только в 1913 г. отклонена конгрессом, но и понималась сенаторами, как угроза для благосостояния Соединённых Штатов.

Даже после партийного собрания можно было услышать критику из уст некоторых сенаторов. Сенатор от Южной Дакоты Кроуфорд ни в каких формах не принимал денежную монополию:

«Вы просто создаёте банк крупных банкирских домов, банк для крупных банкиров, с ограниченным доступом к капиталу для мелких банков. Мелким банкам приказано прислуживать крупным банкам.

Всем этим Вандерлипам, Хепбернсам, Морганам и Рейнолдсам говорят: “Давайте ваши кратко-

срочные ценные бумаги и получайте деньги” — а каким-нибудь Смитам, Браунам и Джонсам, этим фермерам из глубинки: “Идите куда подальше со своими долгосрочными бумагами, мы не можем их дисконтировать”».

Самым интригующим в этот вечер оказалось следующее обстоятельство. Большинство конгрессменов более или менее отдавали себе отчёт в том, что формируемая ими финансовая система может вызвать инфляцию, но они, по-видимому, были не склонны к тому, чтобы заставить себя выступить против законопроекта.

Четверг 18 декабря 1913 г.

К четвергу напор сопротивления законопроекту спал, и Сенат, с целью ускорить процедуру прохождения законопроекта, заседал по регламенту для выступающих в пятнадцать минут. С помощью данного ухищрения шесть поправок Хичкока были отклонены. Поправкам, рассмотренным на собрании Демократической партии, уделили немногим более внимания.

Существенные возражения и расхождения во мнениях, зафиксированные в официальном отчёте о парламентских заседаниях, были связаны с предписанием сверху: законопроект должен был быть принят до Рождества и подписан на следующей неделе — в понедельник или во вторник.

Таким образом, оппозицию поставили в тупик. Накопившиеся проблемы были игнорированы. Фундаментальные вопросы, в том числе, вероятность инфляционных подвижек, остались без внимания со стороны руководства. Царили одни эмоции, граничащие с атмосферой паники, — принять законопроект, во что бы то ни стало.

По этой причине, хотя и было известно, что законопроект недоработан, пятничный номер «Нью-Йорк Таймс» от 19 декабря вышел с заголовком «Близка развязка схватки за финансовый законопроект». Белый дом спешно объявил, что он рассматривает кандидатов на должность управляющего Советом Федеральной резервной системы.

Первой кандидатурой, имя которой просочилось из Белого дома, стал Джеймс Дж. Хилл из «Грейт норзерн рейлруд». На эту должность его предложил банкир международного уровня Джеймс Спейер, тем самым, подтверждая подозрения о закулисной деятельности банкирских домов.

Пятница 19 декабря 1913 г.

В этот день, в последнюю пятницу перед Рождеством, все помыслы конгрессменов были устремлены скорее к рождественским ёлкам, нежели к древу познания финансовых истин. Не утруждая себя дальнейшей суматохой, сенаторы приняли финансовый законопроект президента Вильсона подавляющим большинством голосов.

Тридцать четыре члена верхней палаты конгресса (все республиканцы) проголосовали против законопроекта, пятьдесят четыре проголосовали за. Таким образом, каждый демократ, плюс шесть республиканцев и один прогрессист выступили за создание Федеральной резервной системы.

В качестве подачи оппозиционерам, была принята, так называемая, «радикальная поправка»,

запретившая конгрессменам исполнять обязанности управляющих Совета Федеральной резервной системы.

То, что банкиры «вздохнули с облегчением» после принятия законопроекта, вовсе не явилось неожиданностью. Но они не были полностью удовлетворены и по-прежнему настаивали на некоторых заменах в комитетах конгресса.

Уильям А. Гастон, президент «Нэшнл Шомат банк», провёл несколько дней в Вашингтоне, принимая участие в совещании с членами комитетов Палаты представителей и Сената. Гастон заключил следующее: «Предполагаемые замены, намеченные во время совещания, сделают законопроект более действенным для банков».

Эдмунд Д. Гульберт, вице-президент Merchants Loan and Trust Company, добавил: «В целом, это замечательный законопроект, и он многое сделает для того, чтобы привести банковское дело и денежное обращение в устойчивое положение»⁸².

В.М. Габлстон, председатель Первого национального банка Ричмонда, заявил, что законопроект «приведёт к эластичному денежному обращению, которое избавит нас от этих паник», а Оливер Дж. Сэндз, президент Американского национального банка, высказал мнение, что «принятие финансового закона произведёт положительное воздействие на всё государство, а также окажет содействие торговле. Похоже, что начинается эпоха всеобщего экономического процветания».

Единственным банкиром, выразившим публично свой протест, стал Чарльз Мак-Найт — президент Национального банка в Западной Пенсильвании. Он сказал, что «всё это не принесёт стране ничего хорошего».

Суббота 20 декабря 1913 г.

Закон о Федеральной резервной системе — после одобрения его Сенатом в виде законопроекта Оуэна — был направлен на конференцию, в которой приняли участие члены обеих палат конгресса. Её целью было сгладить основные разночтения между законопроектом Гласса, принятым в Палате представителей, и законопроектом Оуэна, принятым в Сенате.

Планировалось, что данная конференция, на которую, кстати, не допустили ни одного члена Республиканской партии, потребует четыре часа субботнего вечера. За это время было обнаружено, как минимум, двадцать (по некоторым данным — сорок) наиболее существенных разночтений.

И это, не считая второстепенных лингвистических несоответствий, потребовавших внесения более чем ста исправлений. Во время обсуждения мелких несоответствий, сенаторы в большинстве случаев предпочитали уступить трибуну членам нижней палаты конгресса.

Тем не менее, ни одно из двадцати (сорока) основных разночтений не было рассмотрено на субботней конференции; всем стало ясно, что принятие в понедельник совместного законопроекта весьма маловероятно.

«Нью-Йорк Таймс» за 21 декабря 1913 г. сообщила: «говоря серьёзно, спорные вопросы, в сущности, заключают в себя все важные поправки Сената».

С целью попытаться устранить некоторые из наиболее существенных разночтений, участники конференции согласились совещаться всё воскресенье.

Кроме того, в эту субботу Палата представителей собралась в полном составе и отказалась принимать сенатскую версию законопроекта: двести девяносто четыре конгрессмена проголосовали за, пятьдесят девять — против. После этого члены нижней палаты приступили к принятию поправок, предложенных участниками конференции от Палаты представителей.

К концу дня 20 декабря 1913 г. всё внимание участников конференции было сконцентрировано на нескольких принципиальных узловых разногласиях между Палатой представителей и Сенатом. Разногласия отражали существенные, коренные вопросы, стоявшие на пути к принятию финансового законопроекта:

- число региональных резервных банков;
- вопрос гарантии вкладов;
- размер золотого запаса, необходимого для покрытия банкнот в обращении;
- изменения в отношении внутреннего акцептования касательно внутренней и внешней торговли;
- изменения в положениях о запасе (резерве);
- предоставление права банкам-членам Федеральной резервной системы, использовать банкноты федеральных резервных банков для целей запаса (резерва);
- статус двухпроцентных государственных облигаций, использовавшихся в качестве обеспечения банкнот национального банка;
- выдвинутое Сенатом положение об увеличении общей стоимости векселей национального банка в обращении.

Такой была ситуация с законопроектом поздним субботним вечером.

Воскресенье 21 декабря 1913 г.

Мы никогда до конца не узнаем того, что произошло в это воскресенье в Вашингтоне.

Единственное, о чём мы действительно можем говорить, так это то, что в воскресное утро участники парламентской конференции были поставлены перед фактом наличия двадцати (по некоторым данным — сорока) существенных разночтений в двух редакциях чрезвычайно важного законопроекта — законопроекта, который должен был повлиять на жизнь каждого американца.

Тем не менее, в понедельник 22 декабря «Нью-Йорк Таймс» сообщила на первой полосе, что «финансовый законопроект может сегодня стать законом», а также, что участники парламентской конференции никому не известным способом уладили имевшиеся разногласия. «Газета отчётов о парламентских заседаниях» сообщила об этом так:

⁸² New York Times, Senate, December 20, 1913.

«Конференция, в задачу которой входило уладить разногласия между Палатой представителей и Сенатом по финансовому законопроекту, закончила свою работу с беспрецедентной быстротой сегодня ранним утром (22 декабря). В субботу участники конференции проводили исключительно предварительные переговоры, оставив обстоятельное обсуждение сорока важнейших расхождений на воскресенье».

«Беспрецедентный» темп заседания, вероятно, приходился на весьма непривлекательное для его участников время — между 1:30 и 4:00 утра. Давайте взглянем на этот понедельник более обстоятельно.

Понедельник 22 декабря 1913 г.

В воскресную полночь 21 декабря двадцать (согласно иным источникам — сорок) ключевых расхождений потребовали разрешения. В понедельник в 11:00 по полудни, то есть, спустя двадцать три часа, Палата представителей одобрила законопроект о Федеральной резервной системе (двести девяносто восемь голосов против шестидесяти).

В течение этих недолгих двадцати трёх часов основные разночтения были устранены. Доклад был направлен в типографию, набран, исправлен с оттиска типографского набора, отпечатан, роздан, прочитан каждым членом нижней палаты, обсуждён, обдуман, взвешен, разобран, оценён и одобрен.

Подобные темпы законотворчества трудно сравнить с чем-либо, имевшим место в конгрессе за всю историю США. По зловещему стечению обстоятельств, подобное издание законов достойно сравнения с трафаретным законодательством банановых республик.

Способ, посредством которого демократическое большинство, а именно банкиры (по совместительству — сенаторы) Оуэн и Гласе, принимали законопроект о Федеральной резервной системе, нашёл отражение в речи сенатора от штата Канзас Бристоу. С трибуны верхней палаты конгресса лидер республиканцев объяснил, почему он не подписал бы доклад, принятый на конференции.

Лафоллет⁸³: «Не затруднило бы сенатора сообщить нам, кто принимал участие в конференции и отказался ли кто-либо из сенаторов в ней участвовать?».

Бристоу: «Меня никто не уведомлял о том, кто принял участие в конференции. Я был членом согласительной комиссии, организованной председателем Сената. Но я не имел никакого представления о заседании участников конференции до тех пор, пока доклад не был составлен, отпечатан и разложен на рабочие столы сенаторов».

Тогда я был уведомлён председателем комиссии, что в четыре часа будет проходить заседание согласительной комиссии. Через два часа доклад

⁸³ (La Follette) Роберт Марион (1855-1925), один из лидеров прогрессистского движения в США, выступавшего против традиционной политики Республиканской и Демократической партий, сенатор с 1906. Независимый кандидат на президентских выборах 1924. Выступал за ограничение власти монополий. — *Прим. перев.*

согласительной комиссии был положен на мой стол. Во время конференции, в которой принимали участие члены обеих палат конгресса, обсуждался известный законопроект (H.R. 7837).

Он предусматривает учреждение федеральных резервных банков, поддержание эластичного денежного обращения за счёт переучитываемых коммерческих векселей, установление в Соединённых Штатах более эффективного контроля над банковской деятельностью, а также иные цели.

Мы вместе с сенатором от штата Миннесота (господином Нельсоном) направились в конференц-зал, куда нас до этого пригласили. Там нас приняли председатель согласительной комиссии и её члены от Демократической партии. Нам дали понять, что доклад по результатам конференции подготовлен.

Нам предложили высказать своё мнение по поводу происходящего, но я предпочёл отразить своё мнение в протоколе — там, где оно и должно появиться, — нежели в приватной обстановке конференц-зала. И я возьмусь за это этим утром.

Я вижу, что данный доклад подписан членами комиссии от Демократической партии. Естественно, я не подписал его, поскольку мне никто не предложил этого сделать. И, в любом случае, я бы не поступил таким образом, поскольку в то время я не знал, что доклад подготовлен, я не имел никакого представления о его содержании, и у меня не было возможности выяснить что-либо о его содержании»⁸⁴.

Одним словом, лидер республиканцев не имел никакого представления о сути изложенного в законе, так же, как и не имел возможности ознакомиться с самим законом. Позже, во время дебатов, Бристоу открыто обвинил Оуэна во включении в законопроект положений, призванных гарантировать некоторые преимущества его собственному банку.

Процесс законодательства был отмечен серьёзными злоупотреблениями — достаточными для того, чтобы аннулировать закон. Если бы наше общество руководствовалось нормами права, то не было бы никакого закона о Федеральной резервной системе.

И председатели комитетов по финансам, и конгрессмен Гласе, и сенатор Оуэн, — все они злоупотребляли своим служебным положением в личных интересах и в интересах банков. Они намеревались извлечь немалые прибыли в результате принятия законопроекта.

Обсуждения законопроекта проводились без предварительного извещения членов согласительной комиссии. Решения принимались и официально оформлялись без договорённости с членами согласительной комиссии.

Основные параграфы были утверждены без консультации и в спешном порядке оформлены в окончательную редакцию. Существуют неоспоримые доказательства внешнего влияния на конгресс со стороны банковских кругов.

Даже по ознакомлении с нашим неглубоким

⁸⁴ 5. Congressional Record: Senate, December 23, 1913.

изысканием, можно сделать вывод, что закон о Федеральной резервной системе является сомнительным законодательством.

Большинство конгрессменов не были осведомлены о содержании окончательной редакции законопроекта и, по понятным причинам, никто не имел возможности изложить суть данной законодательной инициативы своим избирателям, а также посоветоваться с ними.

Денежная монополия была передана немногочисленной группе при подозрительных обстоятельствах. 23 декабря 1913 г. конгрессмен Линдберг выразил это так:

«Данный закон установил наиболее гигантский трест в мире. Как только президент подпишет

этот законопроект, финансовый клан его руками узаконит “невидимое правительство”. Народ может и не узнать об этом сразу, но час расплаты не за горами».

Банкноты Федеральной резервной системы обнаруживают любопытное сочетание портретов президентов. На банкноте в сто тысяч долларов, обладающей наивысшим номиналом, изображён Вудро Вильсон — настоящий друг денежного треста.

На следующей по ценности банкноте в десять тысяч долларов изображен портрет Самуэля Чейза — министра финансов при Линкольне. Чейз, в интересах денежного треста, протолкнул закон о национальном банке. Бену Франклину досталась сто-долларовая банкнота (примечание автора).

Глава десятая. Федеральная Резервная Система сегодня

В наши дни Федеральная резервная система беспрепятственно продолжает владеть монополией на выпуск денег — монополией, которой ещё никто не бросил вызов.

Федеральная резервная система защищена от контроля со стороны общественности и проверки официальной отчётности.

В данный момент Федеральная резервная система выполняет две функции:

- регулирует движение кредита и денежного потока для достижения конкретных экономических целей;
- контролирует коммерческие банки, то есть, большей частью, саму себя.

Центральным органом Федеральной резервной системы, вырабатывающим политический курс, является Совет управляющих, формируемый президентом и утверждаемый Сенатом. Каждый из двенадцати региональных банков системы возглавляет отдельный директор.

Директоры подразделяются на три категории: категорию «А», категорию «В» и категорию «С». Директоры категории «А» представляют банковскую систему, директоры категории «В» — промышленность, директоры категории «С» предположительно, представляют интересы общества.

На деле, директоры категории «С» никогда не представляли интересов общества. Для банкира не является противоестественным послужить директором категории «А», а затем переименоваться и поработать немного директором категории «С».

Федеральная резервная система — это частный банк, которым владеют банки. Её контроль над денежной массой является монополией, предоставленной конгрессом.

Федеральная резервная система настолько могущественна, что ни один конгрессмен не осмелится поставить на голосование даже самый рядовой вопрос, относящийся к её деятельности.

Естественно, Федеральная резервная система не желает выслушивать вопросы со стороны любопытствующих граждан, и на то имеются все основания. Без преувеличений, это печатный станок, открыто признанный правительством США. Вот офи-

циальное заявление:

«Откуда Федеральная резервная система берёт деньги для создания резервов банков?»

Она не «берёт» деньги, а печатает их. Когда Федеральная резервная система выписывает чек, она тем самым выпускает денежные средства в обращение. Это и может привести к увеличению резервов банков — в форме бессрочных депозитов⁸⁵ или наличных денег.

Если клиент предпочитает наличные деньги, он может востребовать банкноты Федеральной резервной системы. Федеральная резервная система заставит министерство финансов напечатать их.

Федеральная резервная система — это в чистом виде печатный станок. Она может выпускать деньги или выписывать чеки. И она никогда не имеет трудностей в компенсации чеков, поскольку может попросить министерство финансов напечатать пяти- и десятидолларовые казначейские билеты, необходимые для покрытия чеков»⁸⁶.

Тогда в 1913 г. идея о создании Федеральной резервной системы — в сущности, центрального банка — преподносилась американскому народу двумя известными банкирами и президентом Вудро Вильсоном, как план по учреждению института вне контроля и влияния банкиров.

Мотивировалось это тем, что оставлять в руках у частных лиц инструменты денежно-кредитной политики — слишком дорогое удовольствие. Тем не менее, в действительности «институт», как был, так и остается полностью подчинённым крупным нью-йоркским банкирским домам.

Обман очевиден!

Самое первое заседание правления Федераль-

⁸⁵ Бессрочный депозит (депозит до востребования, депозит на текущем счете) — вклад в банке, который может быть переведён с помощью чека или изъят без предварительного уведомления. Если депозит изымается с предварительным уведомлением, то он переходит в категорию субститута денег, поскольку становится неликвидным. — *Прим. перев.*

⁸⁶ Источник: Money Facts, published by the Committee on Banking and Currency, 1964, U. S. Congress.

ного резервного банка Нью-Йорка прошло 5 октября 1914 г. в помещении Банка Манхаттана, располагавшегося на Уолл-стрит, 40. Позже Банк Манхаттана объединился с «Чейз нэшнл» в «Чейз Манхаттан банк»⁸⁷.

За недостатком места, не будем затрагивать последующие два десятилетия и остановимся на середине 1970-х гг. Тогда ведущим директором Федерального резервного банка Нью-Йорка категории «А» был ни кто иной, как председатель Трёхсторонней комиссии — Дейвид Рокфеллер.

Срок пребывания Рокфеллера на этом посту истёк в 1976 г. и его заменили председателем «Морган гаранти траст»⁸⁸.

Тем не менее, влияние Дейвида Рокфеллера сохранилось за счёт назначения члена Трёхсторонней комиссии Пола Волкера на позицию президента Федерального резервного банка Нью-Йорка, а также за счёт назначения Г. Уильяма Миллера (члена консультативного совета Чейза) на пост председателя правления Федеральной резервной системы.

На этом посту Миллер сменил члена Трёхсторонней комиссии Артура Бернса. Позиция, которую занял Пол Волкер, была штатной. Это означало, что президент Федерального резервного банка Нью-Йорка не переизбирался с какой-либо заданной периодичностью.

Более того, остальные девять директоров Федерального резервного банка Нью-Йорка были связаны с «Чейз Манхаттан банк». Например, трое директоров категории «В» являлись следующими фигурами. Председатель правления «Тексако»⁸⁹ Морис Ф. Гренвилл, председатель правления «Юнион карбайд»⁹⁰ Уильям С. Снит и президент «Нью-Йорк телефон» Джон Р. Малхерн.

Давайте взглянем на жизненный путь Пола Волкера, бывшего президента Федерального резервного банка Нью-Йорка.

В течение тридцати лет Волкер последова-

⁸⁷ «Чейз Манхаттан банк» — финансовый центр Рокфеллеров, основанный в 1955. Более 240 отделений в стране, широкая сеть представительств за рубежом (в т.ч. в Москве). Сумма баланса, собственный капитал, прибыль (млрд. долл.): 76,1; 0,776; 3,6 (кон. 1980-х гг.). — *Прим. перев.*

⁸⁸ «Morgan Guaranty Trust Company of New York» — один из ведущих коммерческих банков США, специализирующийся на доверительных операциях (управление имуществом, хранение ценностей, регистрация вновь выпускаемых акций и др.). Основан в 1959 в результате слияния двух банков, как финансовый центр Морганов. Более 1,5 тыс. отделений в стране, филиалы за рубежом. — *Прим. перев.*

⁸⁹ «Техасо» — нефтяная компания США. Основана в 1902. Объём продаж 33,5 млрд. долл., чистая прибыль 1,3 млрд. долл., (на конец 1980-х гг.). Добыча нефти 49,5 млн. тонн. — *Прим. перев.*

⁹⁰ «Union Carbide» — химическая компания США, основанная в 1917. Выпускает также редкие металлы, ферросплавы. Один из крупнейших в США производителей урана. Объём продаж 8,3 млрд. долл., чистая прибыль 662 млн. долл. (конец 1980-х гг.). — *Прим. перев.*

тельно отработал (почти равные сроки) в Федеральном резервном банке, «Чейз Манхаттан банк», а также занимал положения в правительственном аппарате в Вашингтоне на должностях лишь несколько ниже положений членов кабинета министров.

Волкер — яркий пример человека, обладающего, так называемой, «бешеной активностью» в деле восхождения по карьерной лестнице. Он типичный представитель интересов Трёхсторонней комиссии, преследующий её главную цель — «стереть все различия между государственными и частными институтами».

Пол Волкер родился в 1927 г. в Нью-Джерси. Свою первую учёную степень он получил в Принстоне, а степень магистра гуманитарных наук — в Гарварде.

Докторантуру Волкер закончил в Лондонской школе экономики — известной колыбели британского социализма. В 1952 г., сразу же по окончании Лондонской школы экономики, Волкер поступил на работу в Федеральный резервный банк Нью-Йорка на должность экономиста.

Там он прослужил пять лет и в 1957 г. покинул Либерти-стрит для того, чтобы обосноваться в «Чейз Манхаттан банк» — снова в должности экономиста. В «Чейз Манхаттан банк» Волкер прослужил четыре года и в 1961 г. переехал в Вашингтон, где был принят в министерство финансов.

Таким образом, Волкер оставил за спиной первые три ступени служебной лестницы. Будучи назначенным на пост помощника заместителя министра по денежно-кредитным делам, Волкер занимал данную должность в течение времени, необходимого для того, чтобы узнать все ходы и выходы в Вашингтоне.

Затем он вернулся в Нью-Йорк в «Чейз Манхаттан банк», где был назначен на должность вице-президента по вопросам планирования. По прошествии трёх лет, в 1969 г. Волкер оставляет должность вице-президента и становится заместителем министра по денежно-кредитным делам в министерстве финансов США.

Ещё через пять лет Волкера назначают на пост президента Федерального резервного банка Нью-Йорка. Таким образом, Волкер преодолевает очередные три ступени служебной лестницы.

Одновременно Волкер являлся членом Совета по внешним сношениям (фонд Рокфеллера) и членом общества американских друзей Лондонской школы экономики.

Если бы Пол Волкер был единичным явлением, мы бы ни в коем случае не говорили о контроле над Федеральной резервной системой со стороны Трёхсторонней комиссии. На деле, феномен Волкера — один из многих подобных случаев.

Служебная лестница Пола Волкера — члена Трёхсторонней комиссии

1952-57 Федеральный резервный банк Нью-Йорка, экономист

1957-61 «Чейз Манхаттан банк», экономист

1962-63 Министерство финансов США

1963-65 Министерство финансов США, помощник заместителя министра по денежно-кредитным делам 1965-68 «Чейз Манхаттан банк», вице-президент по вопросам планирования

1969-74 Министерство финансов США, заместитель министра по денежно-кредитным делам

1975 Федеральный резервный банк Нью-Йорка, президент

Де-юре Совет управляющих Федеральной резервной системы формирует президент государства, де-факто — те самые круги, об отсутствии которых в будущем в Федеральной резервной системе заверял американский народ Вудро Вильсон.

Председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы был Уильям Г. М'Аду — известная фигура с Уолл-стрит, бывший министр финансов и зять Вудро Вильсона. Ключевое положение занимал Пауль М. Варбург — немецкий банкир и незримый генератор идей. Семья Варбургов контролировала Банк Манхаттана.

Также в Совете был представлен Чарльз С. Хамлин из фонда Карнеги «За международный мир». Ещё одним членом Совета управляющих Федеральной резервной системы являлся банкир В.П.Г. Гардинг.

Дядя Франклина Д. Рузвельта Фредерик А. Рузвельт занимал положение заместителя управляющего Совета — весьма подходящее для него место, поскольку «респектабельные» Рузвельты вели своё происхождение от старинного рода нью-йоркских банкиров.

Очередным членом Совета управляющих Федеральной резервной системы являлся Джон Скелтон Уильямс — президент «Ричмонд траст компании».

Таким образом, из первоначального состава Совета управляющих явствует, что представители элиты и банковских кругов отстаивают собственные интересы в Федеральной резервной системе с тех самых пор.

Член Трёхсторонней комиссии Артур М. Бернс был председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы с 1970 по 1978 гг. Политику Федеральной резервной системы в значительной степени определял он — последнее слово было за ним.

Согласно члену Совета управляющих Федеральной резервной системы и участнику Трёхсторонней комиссии Эндрю Бриммеру, «Артур Бернс напрямую участвовал в выборе каждого члена совета».

Трёхсторонняя комиссия оказывает влияние на внутреннюю денежную систему. Это заставляет нас выявить возможную связь данного влияния с целями Трёхсторонней комиссии на международном уровне.

Высшие должностные лица и аналитики Трёхсторонней комиссии прекрасно понимают, что мировая денежная система — со всеми выпущенными в оборот деньгами в виде резервных активов — находится на грани коллапса.

Известно, что Трёхсторонние документы рас-

сматривают мировые денежные системы (на пути к обновлённой мировой денежной системе).

Их авторами стали: Ричард Н. Купер (будущий заместитель министра по экономическим делам), Моту Каджи — профессор экономики Токийского университета (автор книги на японском языке «Gendai No Kokusai Kinyu» — «Современные международные денежные дела») и Клаудио Серге — французский банкир, связанный с *Compagnie Europeenne de Placements*.

Трёхсторонний документ №1 ставит две задачи глобального уровня:

- как достичь полной занятости, избежав «галопирующей» инфляции;
- как объединить «плановые» национальные хозяйства во «взаимовыгодную мировую экономику».

Необходимо помнить обо всех взятых Трёхсторонней комиссией обязательствах. Члены Трёхсторонней комиссии не ищут «решения» мировых финансовых проблем — они ищут «решение», согласующееся с их собственными целями. И они будут содействовать продвижению этого «решения». Эти цели таковы:

- плановое хозяйство, то есть, хозяйство, планируемое Трёхсторонней комиссией;
- «новый мировой порядок» данных плановых хозяйств (экономик).

В очередной раз мы наблюдаем подтасовку проблемы Трёхсторонней комиссией в угоду собственным целям. Почти каждый день мы обнаруживаем проявления борьбы за сохранение влияния над денежной системой США — для достижения цели создания мировой федеральной резервной системы.

Федеральная резервная система монетизирует внешний долг

В начале 1980-х гг. Федеральная резервная система выбила у конгресса с помощью Пола Волкера очередное расширение денежного кредита посредством монетизации внешнего долга⁹¹.

Так называемый, закон об отмене государственного регулирования депозитных учреждений и денежно-кредитном контроле 1980 г. призван своим названием ввести общественность в заблуждение⁹².

На деле данный закон предоставляет Федеральной резервной системе полномочия по контролю над всеми банками (хотя бы этого или нет) и увеличению массы неразменных бумажных денег

⁹¹ Монетизация долга — превращение долга в наличные деньги; процесс, в результате которого долг погашается по истечении его срока (или раньше) без эмиссии нового долга. США остаются лидерами по объёму внешнего долга: на конец 1999 г. внешняя задолженность США составила порядка 700 млрд. долл. — *Прим. перев.*

⁹² По-другому — закон о дерегулировании депозитных институтов и денежно-кредитном контроле (DIDMCA). Самый обширный законодательный акт, относящийся к банковской системе и финансовому рынку со времен принятия закона о Федеральной резервной системе. — *Прим. перев.*

путём монетизации внешнего долга (это мало чем отличается от обычного выпуска неразменных денег).

В очередной раз Федеральная резервная система сделала всё, что было в её силах, для избежания огласки. Только конгрессмен доктор Рон Пол заметил оговорку о монетизации внешнего долга.

С целью не дать делу хода, председатель банковского комитета спешно согласился с просьбой Пола удалить данную оговорку: «Вы хотите, чтобы мы её убрали? Хорошо, мы её устраним».

Далее повторяются все те нарушения Конституции, которые имели место в случае с принятием законопроекта о Федеральной резервной системе в 1913 г.

Палата представителей одобряет законопроект, в который не включается оговорка о монетизации внешнего долга. Но на заседании согласительной комиссии оговорку бесшумно помещают в документ, таким образом, оговорка становится частью закона, принятого обеими палатами конгресса.

Мы сомневаемся в том, что кто-либо из членов нижней палаты конгресса знал, что оговорка была включена в окончательный законопроект. Это и есть способ, которым Федеральная резервная система оказывает влияние на законодательную власть в наши дни.

Бесшумно, без фанфар — под молчаливое согласие массы ни о чём не подозревающих граждан — банкиры всего мира сооружают «международный печатный станок»: международную федеральную резервную систему, призванную контролировать мировой финансово-экономический порядок.

Первые элементы этого «мирового печатного станка» можно обнаружить в 1920-е гг. в лице Лиги наций и Банка международных расчётов. После Второй мировой войны для глобализации кредитования были учреждены Международный валютный фонд и Мировой банк.

Затем в конце 1950-х гг. наступила эпоха рынка евродолларов — ныне крупного международного рынка депозитов и кредитов, выраженных в депонированных за пределами Соединённых Штатов долларах.

В свете минувших исторических событий можно говорить о том, что рынок евродолларов явился первым шагом на пути к глобальной долларовой системе.

Операции с евродолларами осуществляются банками, расположенными за пределами Соединённых Штатов, а также учреждениями, не подчиняющимися инструкциям и ограничениям, действующим в банковской системе США.

Бывший председатель правления Федерального резервного банка Пол А. Волкер чётко выполнил свои служебные обязанности по назначению управляющих в Совет Федеральной резервной системы — с целью поддержать политику его председателя.

В связи с назначением Клинтонем Алана Блайндера, Волкер отметил:

«Я думаю, вице-председатель ответственен за то, чтобы в публичных заявлениях поддерживать

нашу политику. Если в итоге имеется какое-либо расхождение во мнениях, то не нужно выносить сор из избы — ему следует поддержать наше учреждение».

Одним словом, интересы нью-йоркских банкиров должны превалировать над личным мнением вице-председателя Совета либо любого нижестоящего руководителя. Всё это очень сильно напоминает монополию «закрытого» предприятия⁹³.

Алан Блайндер, парируя критику в свой адрес насчет того, что он сказал слишком много, сделал разоблачительное заявление: «Принимаемые нами решения не могут быть отменены каким-либо государственным органом» («Нью-Йорк Таймс», 26 сентября 1994 г.).

Федеральная резервная система — это частная монополия на денежный кредит, узаконенная конгрессом при весьма подозрительных обстоятельствах, и формально подчиненная председателю Совета управляющих.

Выносимые Федеральной резервной системой решения не могут быть изменены правительством США или кем-либо другим.

И это — свободное общество, руководствующееся нормами права?

Соединённые Штаты фактически оказались в заложниках у горстки международных банкиров. И пусть хоть один конгрессмен осмелится бросить вызов господству Федеральной резервной системы!

⁹³ «Закрытое» предприятие — организация, принимающая на работу только членов профсоюза. «Закрытые» предприятия предоставляют профсоюзу монополию власть в сфере контроля над предложением рабочей силы. Подобные предприятия и профсоюзы могут заключать соглашения по монополизации какой-либо отрасли промышленности. Именно по этим причинам в США «закрытые» предприятия объявлены незаконными. — *Прим. перев.*